

Н.К. Рерих

**ДНЕВНИК МАНЬЧЖУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
(1934-1935)**

2 декабря 1934. Постепенно погружаемся в атмосферу старого города Пекина. Прежде всего прикоснулись к клану Бенуа, посетив генерала Хорвата и его жену Камиллу Альбертовну [1]. Завтра сюда же приезжает композитор Черепнин [2], их родственник, и таким образом мир оказывается опять очень мал. Здесь русских сравнительно мало, всего, как говорят, до 300 человек, из которых многие остались здесь из прежних посольских времен. Здешние обитатели, так же как и мы, совершенно не могут понять смысла и происхождения атаки японских газет в Харбине [3] и перепечатываний того же самого в японской газете Тяньцзиня. Произошла какая-то странность, в результате которой враги (вместо друзей) произнесли многие вещи. Трудно понять, почему все это должно было случиться именно так, как это случилось. Во всяком случае, повторяю, нужно всеми доступными способами приоткрывать истину, причем откроется, вероятно, и многое другое любопытное. Среди этих открытий, вероятно, будет вам любопытно узнать отношение к этому делу со стороны Вонсяцкого [4]. Нам только что пришлось слышать три отзыва о нем, от генерала Краснова [5], генерала Дитерихса [6] и поэтессы Колосовой [7]. Все эти отзывы определенно отрицательны. Во всяком случае, он, насколько мы знаем, имеет американское гражданство, и его газета весьма неосторожно затрагивает интересы наших американских учреждений, именно в этом смысле ему и следует писать. Ведь так или иначе, за ложь его и субсидируемых им фашистских изданий вполне естественно спрашивать ответ именно с него как являющегося главою русского фашизма.

Сегодня воскресенье, и потому мы не знаем, имеется ли в Гонконг-Шанхайском банке какая-либо почта для нас. Между прочим, сегодняшняя газета имела сведения о каком-то финансовом неблагополучии этого банка. По нынешним временам просто беда — не знаешь, где держать деньги, если даже такие самые крупные банки допускают о себе неблагополучные сведения в печати. Относительно Кооператива будем иметь в виду, что если он оказался невозможным в одном месте, то это еще не значит, что та же идея не будет применена в других местах. Именно идея Кооперативного банка очень упорно

Публикуется с сокращениями и редакторской правкой

сидит в нас, и вы, надеюсь, скоро что-нибудь к этому услышите. Если бы только быть уверенным в совершенстве почты, то можно было бы посылать и ожидать обратные ответы гораздо планомернее.

Возвращаясь к происшедшему газетному эпизоду, можно лишь искренне изумляться, что кем-то предприняты столь грубые шаги. Люди, желающие рассчитывать на культурное сотрудничество, не могут же допустить именно таких способов, которые так выявились. Вообще, все построение этого эпизода необъяснимо. Все построение производится какими-то ложными и старыми материалами. Тогда спрашивается, зачем нужно было ожидать шесть месяцев. Кроме того, зачем допускать такие явно лживые сообщения, которые совсем нетрудно опровергнуть ближайшими фактами. Или остается предположить какую-то невероятную степень подлого невежества, или какое-то непонятное нам злобное ухищрение мысли. Конечно, и в этом эпизоде ясно одно, что тьма организована, а положительные силы терроризованы и разъединены, как об этом я не раз и писал в своих статьях. Совершенно нельзя предвидеть, какое течение может получить эта ложь в невежественных кругах. Пусть и в Латвии, и в Югославии, и, конечно, в Париже наши друзья последят очень прилежно. Смеху достойно было наименование японской газетки в Тяньцзине врагом Православной церкви. Когда вспоминаешь все письма от иерархов именно этой церкви, то такая заботливость от нецерковных, а может быть, и неправославных людей становится достойной удивления.

Как Вы видите, я повторяю некоторые мысли, уже бывшие в предыдущих письмах, но делаю это умышленно, так как не уверен, всё ли с письмами благополучно. Также думается, не имела ли значения для этой кампании пересылка корреспонденции двух негодяев [8]. По времени эти обстоятельства как раз совпадают, а в этой корреспонденции было такое же множество всяких злостных измышлений. Конечно, на это мне могут возразить, что их письма могли читаться и ранее, но может быть, полный комплект был последним толчком. Кто может знать эти извилины, важно только одно, чтобы как следует помочь этой небывалой тактике адверза [9]. Происшедшее даст еще один повод, чтобы последить за всевозможными учреждениями, чтобы они не злоупотребляли моим именем.

За эту неделю мы не имели никаких вестей из Харбина, да и сами это место не трогали. Если там вся корреспонденция выкрадывается, фотографируется, извращается, перетолковывается, то, конечно, какие же могут быть сношения с таким местом. Еще раз прошу Вас избежать всего, что могло бы быть злостно перетолковано.

Напишите В.К. [Рериху] [10] официально от Луиса [Хорша] [11] и по-английски, что извещаете его как представителя Музея, что все необходимые меры для раскрытия злоупотреблений вами приняты и что за все время вам известно, что я ни в каких масонских организациях не состоял. Вами приняты меры к ограждению авторских прав на неприкосновенность портрета, писанного Святославом [Рерихом] [12], и приняты меры, дабы с моим именем не были связываемы никакие посторонние наименования или добавления.

Надеюсь, что это мое письмо дойдет до вас сохранно и вы примете к исполнению его.

Неприменно ознакомьте нашего Друга [Г.Э. Уоллеса] [13] в общих чертах с происшедшим, пусть он видит, что семена злобы, посеянные врагами, очень легко вырастают чертополохом. Скажите ему, что работу мы продолжаем бодро. Пригласим китайского ботаника, и это будет особенно удачно для местных условий. Конечно, жаль, что вследствие неподчинения и запоздания ботаника все так затягивается и, вероятно, нам придется пробыть особо холодное время в городе. Но это нисколько не помешает основным нашим задачам. Здесь очень хорошее отношение как к секретарю (министру) Уоллесу, так и к президенту [Рузвельту] [14], о чем при случае так и передайте. Странно подумать, что именно культурная работа может вызывать около себя такие уродливые нагромождения, впрочем и во всей истории человечества именно добро вызывало особые судороги тьмы.

3 декабря. Чем больше мы вдумываемся в газетный эпизод, тем менее объяснимым и сложнее он представляется. Именно эта сложность эпизода обязывает обратить на него особое внимание и всесторонне расследовать его. Невозможно допустить, чтобы в нем действовала лишь одна шайка криминальных типов. Также трудно объяснить, если предположить участие какого-либо правительства. Сам по себе этот эпизод настолько ярок, что расследование его, наверно, раскроет и какие-нибудь другие замечательные условия и подробности. Заговор двух негодяев и «старых домов» [15] до известной степени, наверно, имел значение. Также несомненно участие людей выставки [16], но почему оно началось и к чему ведется, можно будет узнать лишь постепенно при всестороннем расследовании. Трудно предположить, чтобы наши друзья в Нью-Йорке или Париже действовали двусмысленно или не имели бы никакого значения. Между тем, делается совершенно очевидным разногласие различных кругов. Запросите Г.И. Черткова [17], чтобы он, насколько возможно, осветил и Вам положение вещей на местах... Теперь надо приложить все усилия, чтобы эта необыкновенная тактика Адверза разрешилась именно так, как должно. Вчера приходил редактор большой китайской газеты, по-видимому, он относится очень дружелюбно. В тяньцзиньской газете откуда-то мелькнуло сведение, что мы будем жить в Пекине шесть месяцев. Откуда сие?..

К вечеру до нас дошли экземпляры «Харбинского Времени» от 28 и 30-го ноября. К сожалению, не могу их послать, ибо их нам дали здесь для прочтения. В одном из них рассказываются злостные нелепицы о нашей поездке в Баргу. По обыкновению, преступный автор вообще не считается с фактами. В другом номере рассказывается о докладе некоего легитимиста Лавошниковца о розенкрейцерах и обо мне. При этом автор особенно нападает на меня за мой привет обществу имени Оригена и, судя по газете, цитирует не мою книгу «Община». Ориген причтен Учителем церкви, и потому даже с любой христианской точки зрения, казалось бы, нелепо нападать за доброе слово об этом великом лице. Но, конечно, во всей этой травле мы не должны

искать правду или логику. Там, где выступают бесовские силы, именно истина отсутствует. Но одно остается очевидным, а именно, что сатанинская кампания продолжается с полной яростью. С полной яростью именно в японской газете «Харбинское Время». Казалось бы, даже с точки зрения простого приличия это недопустимо. Я убежден, что производимое вами и нами расследование откроет многое знаменательное. Потому продолжайте расследование полным ходом — ведь оно обнаружит многое имеющее огромное значение. Нельзя забыть, что травля ведется именно японской газетой, на заголовке которой написано — «ежедневная ниппонская газета».

Сегодня мы сделали визиты посланникам, и в тот же день американский посланник и французский министр ответили. В китайских официальных местах мы были встречены очень дружелюбно.

6 декабря. Среди выпадов «Харбинского Времени» обратите внимание и на то, что эта японская газета яростно нападает на Пакт и на Знамя [18]. Подобные выпады, после известного вам поднятия Знамени и речей на конвенции и всяких прочих дружественных заверений, представляются особенно странными и необъяснимыми. Среди запросов местному генеральному консулу следует выделить в особый запрос это неприличное отношение к Пакту. Если бы вам ответили, что это писалось русскими, а не японцами, то следует указать, что местная японская цензура необыкновенно сильна и без нее никакое сведение, а тем более затрагивающее международный интерес, попасть в газету не может. Нам доподлинно известно, что даже самая маленькая хроникерская заметка подвергается строжайшей цензуре. Авторы заметок говорили нам, что их писания часто бывают до неузнаваемости изуродованы цензурой. Поэтому факты ярых нападков на Пакт и Знамя, приветствованные на международной конвенции, не могут быть следствием какого-то выступления русской преступной шайки. Мы имеем поводы предполагать нечто гораздо более глубокое, требующее дознания и компенсации. Также невозможно предположить, чтобы местные официальные лица не имели ничего общего с деятелями центральных мест. Обо всем этом следует запросить генеральное консульство. Чем больше вникаем мы в безобразные выпады определенной части харбинской прессы, тем более становится ясным, что требуются длительные, тактические дознания. Повторяю, если кто-то начнет уверять, что это деяние лишь каких-то русских отбросов, то это оправдание будет неправильным, ибо эти отбросы являются послушными наемниками. Но, спрашивается, чьими. Не забудем, что кроме поругания Пакта и Знамени выдвинуты всевозможные явно нелепые обвинения, до кощунственных замечаний над именами Св. Сергия, Оригена и пр. При этом сами же эти газеты подчеркивают, что русские эмиграционные группы признают меня своим духовным вождем. Иначе говоря, это значит, что кому-то политически необходимо добиться обратного...

В тьянцзиньской газете «Наша Заря», говорят, появилась хорошая заметка о нашем пребывании в Пекине. Странно замечать явное разделение прессы на порядочную и на преступную.

Сегодня горло мое все еще не в порядке, и потому сижу дома.

В одной из неоконченных повестей Пушкин говорит: «Перед чем же я робею?» — «Перед недоброжелательством», — отвечал русский. Это черта наших нравов. В народе она выражается насмешкой, а в высшем кругу — невниманием и холодностью. Не могу не добавить несколько строк из пушкинского «Путешествия в Арзрум», которое кончается так: «...на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи... Таково мне было первое приветствие в любезном отечестве» — так говорит Пушкин.

Передайте Уоллесу, что уже вчера у нас были двое очень симпатичных китайских ученых, один ботаник, а другой — культурный деятель, и обещали нам рекомендовать подходящего ботаника для следования в экспедицию. Конечно, этот ботаник будет не только пригоден для сбора растений и семян, но и для составления своего доклада о лучших засухоустойчивых растениях для заживления пустынь. Таким порядком на окраинах Гоби будет проведена очень полезная работа. Не оставляем мысли и о кооперации, для которой здесь находятся отличные перспективы. Таким образом, широкая работа для пользы человечеству может порадовать как Уоллеса, так и президента.

«Собаки лают — караван идет».

7 декабря. Послали в Нью-Йорк телеграмму, чтобы Друг был извещен о хороших возможностях Скул-Канзас. Действительно, для Америки эти возможности могут быть чрезвычайны. Конечно, для всего требуется, прежде всего, известное время, но нам хотелось, чтобы и Друг был подкреплён хорошими сведениями. Конечно, при нынешнем построении Луис [Хорш] должен занять одно из главных мест. Не худо было бы ему и Франсис [Грант] [19] повидаться с Другом и предварительно поговорить об этих возможностях. Предполагаю, конфиденциально, что не только возможности Друга, но и новые друзья Луиса могут подкрепить это дело. В смысле гарантий все будет обследовано и сообщено.

Переходя к газетному эпизоду, мы должны прийти к заключению, что указанные вам вчера две партии, фашистов и легитимистов, ни в коем случае и не могли бы быть нашими друзьями, и потому их ярость и свойственная им ложь являются вполне нормальными, но тем не менее заслуживают и дознания, и внушения. Главным же образом, остается совершенно непонятным, что ареною выпадов оказалась именно группа японских газет, и это обстоятельство заслуживает совершенно особого расследования...

Газетный эпизод превысил по своему безобразию всякие меры и попутно затронул как достоинство Америки, так и Франции. Предложите, чтобы Друг (если можно обойтись без «старого дома») сам снесся бы с послом и запросил бы его разъяснения, почему именно группа газет его страны поступила так грубо, хотя бы в международном отношении. Конечно, предоставляю это действие всецело Другу, ибо ему виднее местные условия. Можно лишь пожалеть, видя, как люди теряют свои возможности. Уже неоднократно нам приходилось быть свидетелями этого.

При подписании Пакта в апреле, не следует ли дать Знак I степени всем главам, подписавшим Пакт (если они ранее этого Знака не имели). Запросите по этому поводу и наш Парижский центр.

Также спросите Друга: следует ли в отношении Скул-Канзас ограничиться возможностями США или же возможно также в какой-либо мере привлечь и внимание Франции. На месте Другу виднее, что проще и ближе к делу.

8 декабря. Как странно, что из Китая мне приходится вам писать о Канзасе, да еще о Кооп. Скул. Между тем, это обстоятельство чрезвычайно спешно и полезно. Нужно бы знать ваш ответ по этому канзасскому делу как можно скорей. Я убежден, что ответ будет не только положительен, но как Друг наш, так и новые друзья Луиса [Хорша] примут ближайшее участие. Не мне вам напоминать, что в Канзасе и уголь, и всякие прочие ископаемые. Вы лучше меня знаете и о скотоводстве тех мест. Нужная и гарантированная сумма относительно невелика, всего до двух американских миллионов. Друг мог бы сообщить своему начальнику, чтобы не упустить благое и просветительное школьное дело. Помню, что именно у вас уже являлись и ранее добрые мысли — способствовать учебному делу, а в случае Канзаса это является не только добрым делом, но и вполне хозяйственным. Вполне естественно, что люди спешат с решениями, а так как мне в этом случае придется быть попечителем этого школьного дела, то я, прежде всего, и направляю его именно в ваши руки. Наверно, Друг найдет к нам свои каналы сообщения, но хотя бы в телеграфной форме мы должны знать ваше принципиальное решение. Конечно, все ближайшие цифры гарантий будут сообщены вам, но помню о ваших давнишних, к таким школьным делам, устремлениях и потому уверен, что ваше решение будет благоприятным. Друг также поймет, что во всех отношениях такое финансово-просветительное дело даст и ему, и его начальнику необыкновенную возможность.

Бывают же такие странные обстоятельства, что о близком для вас Канзасе приходится писать так издалека. Думается, что многие новые знакомые Луиса также заинтересуются этим учебным делом, но смотрите, чтобы кто-нибудь под видом ложной дружбы не перебил его, потому совещайтесь лишь с подлинными друзьями. Помнится, что именно Луис со своими и просветительными, и банковскими способностями мечтал о таком деле, которое сейчас в полной мере выявилось.

Наверное, и начальник Друга будет серьезно заинтересован в таком добром деле. Для нас будет истинно прекрасным Новым годом получить вашу принципиальную телеграмму. Так хотелось бы помочь добрым хорошим людям, да еще на вполне деловых основаниях. Вы ведь знаете, что я не очень ценю необоснованную благотворительность. Гораздо лучше сотрудничество, при котором люди выявляют свои истинные дарования.

Чтобы письма случайно не терялись, нельзя ли их тогда направлять через государственную вализу, ведь мы, как сотрудники Департамента агрикультуры,

вероятно, имеем на то право. Спешу послать вам эти неотложные строки и буду ждать для начала вашу телеграмму.

9 декабря. Сижу сегодня дома с маленькой температурой, с утра 37,2. Может быть, простуда, а может быть, легкая инфлюэнца. Вчера были на завтраке в американской легации, и когда все присутствовавшие закурили различные сигары и сигареты, мне сразу показался этот фимиам невыносимым. Посижу сегодня и завтра дома.

Уже пошла третья неделя, как мы выехали из Харбина, но кроме записочки от В.Н. Грамматчикова [20] ничего не было получено. Странно, что из всех наших друзей Василий Николаевич — болящий и прикованный к постели, нашел нужным и возможным написать. По его словам, травля в блоке японских газет прекратилась...

В записи вчерашнего дня говорилось о Скул-Канзас. Не только надеюсь, но убежден, что предполагавшийся «Алатырь» состоится в более подходящем месте, но и радуемся этому. Может быть множество выполнений, начиная от общественного и государственного и до частного. Как по нынешним временам легче, так пусть и будет. Главное, чтобы творилось добро. Силы тьмы особенно негодуют, когда что-либо доброе и строительное возникает. В таких случаях особенно нужно, чтобы ночные Никодимы находили в себе силы и обращались в действенных воинов.

Скоро уже будет год, как я не писал картин. За все это время произошли лишь два проекта церквей [21]. Но именно это обстоятельство и побудило бесовскую рать обвинять меня в безбожии. Наш друг архиепископ Нестор [22] пишет на портрете своем, данном мне, — «Боголюбивому и прекраснодушному». Так говорит просвещенный иерарх церкви, а Родзаевский и К° [23] называют антихристом. Когда-то кто-то будет читать эти напечатанные нелепости и будет изумляться глубокой степени дикости, царившей и в наш век.

Кроме метких замечаний Пушкина, я возобновил в памяти многие горько-справедливые слова Гоголя о том же. Неужели же каждое столетие нисколько не утончает сознание человеческое. Жалею, что до сих пор нам не прислали из Тяньцзиня газетку «Возрождение Азии», издаваемую на японской концессии. Странно видеть, что именно на этой концессии допускаются такие безнравственно-кошунственные писания. Опять-таки, кто-то когда-то, перечтя такие «памятники словесности», очень пожалеет о случившемся.

Конечно, для Канзаса одинаково приемлемы или заем, или шеры, или любая хозяйственная форма.

Мы обеспокоены, не получая ваши телеграммы по поводу пресловутого газетного эпизода. Конечно, следует терпеливо и упорно выяснить происшедший непозволительный эпизод. Он очень прискорбен, но предложение из Канзаса как бы является светлым лучом...

16 декабря. ...Проходящий 34-й год унес многих друзей Пакта. Короли Альберт и Александр, митрополит Платон, архиепископ Иоанн, о. Георгий

Спасский, доктор Лукин, а в Тяньцзине мы узнали о смерти Филиппа Бертело [24]. Все это очень существенные потери. Дай Бог, чтобы все эти ушедшие друзья могли бы быть, для дела, замещены новыми. Конечно, и новое внимание Рузвельта, и последние шаги Уоллеса, и действия Гиля Боргеса [25] и других южно-американских друзей дали новую подвижку Пакту. Но в смысле Европы отсюда мы мало усматриваем, в чем произошли полезные движения. Ведь все сказанные потери относятся именно к Европе, и потому восполнение их должно, прежде всего, происходить там же. Надеюсь, что последние газетные эпизоды воспринимаются по справедливости и из них производится новая польза.

Сегодня воскресенье — все закрыто, а кроме того, идет снег. Мы все сидим дома. Почему-то все эти дни просыпаемся около двух часов ночи. Где и что может происходить в это время? В Наггаре тогда бывает около 10 ч. вечера. Сегодня есть сильное ощущение того, что где-то что-то творится, но, как часто бывает, при многом происходящем трудно отнести к чему-то определенному. Конечно, из Харбина сведений опять нет, и мы как-то привыкаем к тому, что эта часть оказалась отрезанной. Во всяком случае, изучение ее весьма и весьма поучительно. Ведь прежде всего, нужно знать...

5 января 1935. Получены письма от 9 декабря от Зины [Лихтман] [26], а также от Франсис [Грант], с русскими и американскими газетными вырезками. Не пригодилась ли моя статья «Да процветут пустыни» с фотографиями для какого-либо журнала. Очень рад слышать, что президент интересовался этой статьей и сопровождавшей ее беседой. Конечно, Галахад [13] должен глубоко понять, что широкое будущее у дверей, но его нужно достойно принять. Кто бы ни стучался в дверь, но если он не будет принят, то и самые лучшие возможности могут искривиться. Итак, к чему делать в одну десятую то, что суждено полностью.

Я уже писал, что мы получаем очень ценного китайского сотрудника. Рад слышать, что наша китайская ассоциация оживает. Ведь каждой стране мы воздаем должное, и ни одно культурное достижение не должно быть забыто. Сегодня читаем в газетах о сильном землетрясении на севере от Эвереста и в Лиссабоне. Надеемся, что оно не очень отозвалось на сердце Елены Ивановны [Рерих] [27]. Рад был узнать, что число учеников в Школе увеличивается. Уверен, что происходит по всем учреждениям приток новых людей, ибо невозможно было бы пребывать в одних и тех же пределах. Надеюсь, что апрельское действо с Пактом также явится блестящим привходящим событием, которое отзовется на всем. По-прежнему нет сведений из Харбина...

9 января. Пекин. Писатель Латтимор [28] вчера говорил Юрию [Рериху] [29], что в местной газете была, с неделю тому назад, любопытная корреспонденция о харбинской интриге. Пробовали мы искать в этой газете, но ничего не нашли. Может быть, это было или в какой-либо другой газете, или что-нибудь устное. Будем разыскивать, ибо, насколько можно было

понять, там был полезный для нас намек, который можно бы сообщить кое-кому как в Нью-Йорке, так и в Париже.

Посылаю список уже имеющихся статей и листов дневника под общим заголовком «Да процветут пустыни». Все это еще в английские книги не входило. Не торопясь можно думать и подыскивать издателя для следующего английского тома. Конечно, желательно, чтобы книга была не очень дорогая, чтобы быть доступнее... Елена Ивановна укажет, что именно следовало бы дать в первую очередь. Так как под заглавием «Да процветут пустыни» будет надпись «Листы дневника», то и заглавия отдельных листов можно не выделять слишком крупно, а именно как разделы между отдельными днями, хотя и под особым названием. Конечно, это вполне предоставляю издательству. Кроме того, в оглавлении можно бы выделить отделы по месту написания этих листов. Иначе говоря, получатся отделы: Гималаи, Париж, Америка, Харбин, Пекин и, может быть, дальше. Впрочем, не стою непременно за такое подразделение. Нужно делать, как легче и полезнее для книги. Помнится, что в Наггаре оставалось еще несколько статей, которые не вошли в «Твердыню пламенную». Не вполне помню, какие именно они были. Елена Ивановна решит, что лучше и сильнее использовать...

10 января. Пекин. Вчера обедали у голландского посланника. Внутренно я позавидовал Голландии, что у нее имеются представители с такими живыми интересами. Количество и качество книг в его кабинете показывают, что это не случайная выставка, но нечто ему действительно нужное. Книжки, к тому же — в хороших переплетах, всегда будут одним из лучших украшений комнаты. Тут были и Пифагор, и Флобер, и Штейнер, и многие другие знакомцы.

Вчера же приехал один бурят с хадаками и очень трогательным письмом, напоминающим письмо другого бурята, однажды процитированное в книге. В это же время у нас сидела корреспондентка французской газеты — Майар, очень милая швейцарка из Женевы. Появление бурята с хадаками для нее было необычно...

14 января. И сегодня, вероятно, и завтра останусь дома, ибо горло все еще раздражено. Вчера происходила встреча Нового года, по старому стилю, у генерала Хорвата. Конечно, я не мог быть по простуде, и единственным нашим представителем оказался В.И. Грибановский [30]. Рассказывает, что Камилла Альбертовна к 12-ти часам оделась в виде русской мамки и вынесла куклу, якобы в виде нового рожденного года. Комментарии излишни.

Пришло письмо из Харбина от В.Н. Грамматчикова, в котором сообщается, что темные силы передают, что я вообще не видался с генералом Хорватом, ибо он глава русской эмиграции. Так неустанно изобретают клеветники. Посвящаю им мой сегодняшний Записной листок. Впрочем, В.Н. Грамматчиков добавляет, что и работа светлых сил делается очевидностью, и что Свет побеждает тьму. Конечно, так и будет; но совершенно необходимо, чтобы светлые силы так же деятельно и в таких же сильных, но благих

формулах неусыпно строили благо. Ведь благо не отвлеченность, но его нужно так же ежедневно творить, как ежедневную пищу.

Некая дама Л. пишет из Харбина, что если ее муж не будет включен в состав экспедиции — она его застрелит. Надо отдать справедливость, что с такой формулой мы встречаемся впервые.

Являлась у меня мысль послать к новому году открытку — изображение Преподобного Сергия, по всем нашим обществам, но оказалось, что мы не знаем нынешних адресов некоторых из них. Потому эта идея была отставлена, но все время думаю, насколько должны быть питаемы сотрудники, хотя бы даже самыми краткими извещениями. Хорошо бы оповестить все наши общества и организации об апрельском дне Пакта, предложив им, что Музей будет рад передать и их приветствие к этому дню. Таким образом явится еще одно обстоятельство из разных стран, которое скажет в правильных формулах и с должными пожеланиями неотложности...

Сегодня пошлю еще одно наше письмо В.К. Рериху с предложением в кратчайший срок указать, когда именно была выслана из Харбина первая часть коллекции и когда именно будет выслана остальная часть. Первая часть должна была быть выслана через три дня после нашего отъезда (иначе говоря, она должна была давно достигнуть Америки), а вторая часть должна была быть выслана 20-го января, ибо ботаник Гордеев [31] сообщил, что ранее этого срока он не сумеет закончить определения. Конечно, если бы два негодяя оказались бы не негодьями, а людьми, то многое сложилось бы иначе.

К 18-му января ждем известий из Канзаса. Они запаздывают уже на целый месяц, так всегда бывает, когда имеешь дело с дальними расстояниями, да кроме того, для некоторых людей, как вам известно, время и сроки не существуют. Конечно, и без того мы не могли бы выехать сейчас дальше вследствие холодов и, естественно, Галахад это понимает.

Вчера был у нас древний лама, бурят, и гадал. Я ему задал вопрос о 36-м годе, и вышло очень хорошо. Конечно, вы понимаете, что для меня этот вопрос был и ненадобен, но такое подтверждение для монголов очень значительно...

16 января. ...Каждый день ждем канзасских сведений. Покупаем здесь для нашего Друга танку «Колесо жизни», монгольской работы. Надеюсь, она дойдет к нему до апреля и еще раз напомнит ему о том большом Колесе жизни, к которому он прикоснулся.

Посылаю вырезку из местной газеты о том, что американские банки опять начали давать капитал за границу для поддержания иностранных торговых сношений. Ведь это обстоятельство нужно всячески подчеркнуть в разговорах с теми друзьями, о которых писала Франсис [Грант] в последней телеграмме...

18 января. Пекин. Хотя с горлом и лучше, но еще остаюсь дома, тем более что сильные ветры и много пыли.

В местной газете «Пейпинг Хроникл» хорошая рецензия о вчерашнем выступлении Юрия [Рериха] в клубе ротариев. Прилагаю вырезку об этом.

Также прочтите внимательно и другую приложенную вырезку из той же газеты, которую вы вполне оцените. В связи с ней вы вспомните также, что в харбинской истории приняли такое активное участие легитимисты «кирилловцы». Значит, происходило какое-то противопоставление — да вы это и сами поймете. Во всяком случае, хорошо, когда происходит движение, — хуже всего мертвенный застой. А сейчас Канзас — более чем вовремя.

Необходимо, чтобы Галахад понял, насколько подробности, которые будут посланы, полезны решительно во всех отношениях. И в смысле частной промышленности, и в смысле пользы государственной, и в смысле взаимопонимания и сближения. Нужно всячески избежать хотя бы малейшего недоумения, когда и это дело начнет развиваться. Ведь, наверное, найдутся какие-то злоумышленники, которые захотят нечто посеять. Вот тут-то и нужно проявить необыкновенную бдительность, осторожность и деятельность. Если два ничтожных негодяя могли устроить такой разнообразный посев, то каждое злоумышление может пытаться вносить какие-либо осложнения. Чтобы рассеивать их, и нужно ясное убеждение, насколько глубоко полезно происходящее...

19 января. Пекин. Итак, речь идет об американских долларах 1.100.000 под от 6% до 10% с обязательством погашения по истечении трех лет. Последовательность выплаты может быть установлена. Обеспечение очень солидное — естественные богатства. Вы понимаете большую спешность.

Очень рады были получить утром телеграмму из Наггара. Замечательно, что наша телеграмма в Наггар была отправлена после телеграммы в Харбин, в которой мы спрашивали о точном сроке отправления первой части коллекции. И вот из далекой Индии телеграмма уже дошла, а из близкого Харбина до сих пор нет ответа. Не понимаем, чем объяснить это, тем более что харбинский ответ был даже оплачен. Станный город, странные люди — а между тем, в Вашингтоне справедливо ждут нашего ответа и, наверное, изумляются, почему запоздал ответ на их телеграмму. Итак, Вы уже знаете, в чем дело с Канзасом, и понимаете, насколько оно спешно и для всех полезно...

27 января. Пекин. ...Вчера мы побывали в здешней духовной миссии; между прочим, мне показали портрет антихриста! По-моему, это не что иное, как довольно известная картина мюнхенского художника Гофмана, изображающая Христа. Но когда я заикнулся об этом, то мне было строго замечено, что это вещь несомненная и этот портрет воспроизведен в книге Нилуса. После такого пресловутого авторитета, как Нилус, конечно, я бросил разговор. Как невероятно трудно с изуверами. Сами того не замечая, они-то и служат антихристу, как Елена Ивановна правильно о них пишет. Тут же мне было замечено, что книга Всеволода Иванова об Антонии Римляnine [32] — ужасная. А мне-то она во многом понравилась. Посылаю копию письма Всеволода Иванова ко мне и копию моего ответа к нему. Имейте в виду как то, так и другое. Также посылаю мой ответ в Тяньцзинь о банке. Может быть, в будущем все это может пригодиться.

Неужели американский доллар так падает. Вчера, при размене чека, мы получили на 27 пекинских долларов меньше, нежели в ближайшем прошлом. Неужели это относительно всех валют; ведь наши бюджеты в Индии и Франции могут быть опрокинуты...

31 января. Пекин. У нас опять лазарет. У Юрия вчера было 38,5, сегодня с утра 38. Ночь спали мы оба плохо, кто его знает, отчего здесь нет обычного сна; вот-вот, кажется, уже засыпаешь, а по неизвестной причине опять бодрствуешь. На всякий случай позвали доктора Судакова, посмотрим, что он скажет.

Послали вам и следующий номер газеты, все-таки вам любопытно, что именно здесь пишется. Посылаю копию моего письма В.К. [Рериху].

Нам так полезно было бы знать все харбинские очертания, а в конце концов, даже отсюда, на небольшом расстоянии, мы с трудом можем ориентироваться. Все ждем письма из Харбина, от разных друзей, чтобы больше распознать происходящее. Ведь хотя бы один эпизод с книгой «Священный Дозор» необыкновенно характерен...

6 февраля. Любопытнейшее сведение из Харбина. Все это интересно, тем более что привез их достоверный человек, который пробудет с нами до вечера 8-го. Все-таки происходят вещи небывалые. Книга «Священный Дозор», вся состоявшая из уже напечатанных статей, цензурою не пропущена. Хуже того, цензурою воспрещены статьи, посвященные Пакту. Причем некоторые наши друзья дошли до такой степени расстройства, что соглашались на то, чтобы вырвать из книги эти 12-15 страниц. Конечно, мы немедленно телеграфировали, чтобы из книги ничего не вырезать. Хорошо, что у нас имеется один экземпляр книги с собою, и таким образом все злостное действие цензуры делается еще очевиднее. Подумываем, не переиздать ли нам книгу здесь с отметкой, что первое ее издание не пропущено харбинской цензурой.

Разве не замечательно, что темные силы именно не выносят Пакта и Знамени Мира. Для биографов — любопытная подробность, что десятый том сочинений не пропущен цензурою из-за упоминания Пакта и Знамени Мира...

9 февраля. Читаем в газетах о прекращении американского консульства в некоей стране. Не сомневаемся, что наш Друг благотворно действует и в этом направлении. Пусть он где-то у себя хранит памятную записку о всех его действиях и выступлениях или выражениях в этом направлении. Будет день, когда именно эта его деятельность сделается особо исторической.

Не буду повторять о том, как неотложно нужен Канзас. Каждый день мысленно ожидаю какой-то подвижки. Если я посылаю что-нибудь без особого упоминания или назначения — просто храните в нашем внутреннем архиве до дальнейших указаний. Если темные силы так сосредотачивают свою деятельность, то пусть и светлые легионы восстанут и сверкнут доспехами Света.

Понимаю, что лама Мингюр едет в отпуск без содержания. Можно бы дать ему, как общее поручение, — пожелание, чтобы он при посещении

монастырей интересовался как местными легендами, так и лекарствами. Вполне понятно, что члены Института не сидят на одном месте, но собирают всё, где можно...

10 февраля. Начался страшный ветер, такой типичный для февраля в Азии. При будущих сборах предполагаю сделать некоторый опыт. Кроме сбора, который будет производить китайский ученый, думаю предложить местным монголам сделать набор тех трав, которые, по их мнению, наиболее стойкие и полезные. Таким образом может получиться еще одна интересная характеристика.

Прилагаю копию моего письма генералу Хорвату, содержащую заявление по поводу оскорбительного выражения В.Ф. Иванова [33] на банкете эмиграции. Также прилагаю, к тому же предмету, две копии моих писем архиепископу Мелетию и епископу Дмитрию [34]. Пишу им как председателям института Св. Владимира, в котором Головачев, поместивший заметку, является ректором. Когда будете делать опять соответствующее заявление, следует указать, что Иванов — официальное лицо, банкет — официальный, газета «Гун-Бао» — официоз, редактор Головачев является официальным лицом. Таким образом, помимо чисто эмиграционного обстоятельства, характерно и то, что в отношении самого Маньчжуди-Го все четыре подробности официальны или официозны.

Так же точно и цензура относительно «Священного Дозора» уже не является газетной кучкой, а опять-таки государственным установлением. Разве допустимо, чтобы и государственные установления принимали участие в травле. Не забудем, что статьи о Пакте уже появлялись в «Харбинской Заре» и тем самым однажды уже прошли цензуру. Остается предположить, что сейчас это не вопрос цензуры, как таковой, а нечто другое. Итак, будем по-прежнему поражать тьму и добиваться справедливости...

12 февраля. Пекин. Только что послали телеграмму в Наггар к 13-му, а также с запросом, получены ли задержавшиеся на две недели письма, как получили телеграмму оттуда: оба письма дошли, и добавка в Пакт вставлена. Итак, с Пактом как будто все обстоит благополучно. Конечно, нужно ожидать, что «обезьяны», «тигры» и всякие «зверюшки» [35] рано или поздно опять выскочат, и потому всякие защитные средства нужно держать наготове.

Думаю, что, вероятно, сегодня или завтра в Нью-Йорк дойдет мое письмо касательно Канзаса. Конечно, многое приходится писать между строк, зная, что вы понимаете всякие местные условия. Надеюсь, что и Друг наш вполне понимает, что дело Канзаса так глубоко полезно для его страны, хотя бы в промышленном значении. Ведь всем приходится думать о рынках, и каждые двери к тому должны быть очень приветствованы и оберегаемы. Думается, что, наверное, всё будет понято и пройдет безотлагательно...

13 февраля. Пекин. Письмо от В.К. [Рериха]. Пишет, что 12-го февраля мракобес [Василий] Иванов читает публичную лекцию, в которой разоблачит всех вредителей, начиная от Л.Н. Гондатти [36]. По сему поводу Гондатти

замечает, что он предпочитает быть слоном, на которого лают шавки, нежели оказаться такою шавкою. Не знаем, чем кончится эта лекция, но она еще раз напоминает о том, что этот Иванов связан с советскими кругами и потому старается оклеветать всех деятелей эмиграции, а в книге своей оклеветал всю Россию, начиная от императоров, Голенищева-Кутузова, Пушкина, всех ученых и пр. ...

15 февраля. Сейчас послали телеграмму о том, что успешное решение по Канзасу спешно ожидается. Действительно, с этим обстоятельством нужно спешить чрезвычайно. Ведь оно должно быть приведено в порядок еще до нашего отъезда. А ведь без определенного указания об успехе невозможно предпринимать многое впустую. Потому так ждем изо дня в день и корреспонденты так беспокоятся. Ждем!..

18 февраля. Вчера были на завтраке у барона фон Сталь-Холстейна. Были Бранд, доктор Судаков. Все было в хороших пределах. Приятно было видеть на стенах много тибетских танок, что напоминало наши стены. Баронесса Сталь вдруг вспомнила, что я художник. Оказывается, ей попала книга Розы Ньюмарч «Душа России», где мои «Человечьи праотцы». Затем мы зашли, там же по соседству, к генералу Хорвату. Он сказал, что ответил мне на письмо об Иванове и что злоречие этого типа не выражает мнение обо мне Национальной Общины.

Сегодня сдадим полученные чеки в банки. Конечно, цифры этих чеков для нас остаются неясными. Например, я получил 1935 долларов — чему соответствует эта цифра, понять невозможно. Конечно, не спрашивайте, ибо будущее само покажет. Почему-то курс американских долларов продолжает стремительно падать. Так например, на сумме 237 долларов получается разница на 41 местный доллар, сравнительно с декабрем. Но все, видимо, к этому привыкли и только машут рукой. Воображаю, какая будет разница, когда сегодня мы переведем на местные доллары полученный чек...

20 февраля. Пекин. Опять разговоры о Канзасе. Мы сообщили, что ждем письма и уверены, что все идет благоприятно. Еще раз скажите нашему Другу, что при этом я учитываю всю истинную пользу для его страны.

Удивительные сведения получаются. Например, одна сестра милосердия спрашивала нашего полковника Грибановского, не может ли она у меня получить четыре больших тома моих сочинений под названием «Гималайские Братья». Эти книги очень дорогие и стоят 400 американских долларов. Они есть и в продаже, но те, которые продаются, неверны, и лишь у меня правильный экземпляр. Эти сведения она получила от своего учителя из Шанхая. Вот какие замечательные легенды где-то существуют в пространстве.

Всеволод Никанорович Иванов, автор книги «Мы» [37], мне пишет, что он хочет написать небольшую книгу, посвященную мне («Рерих художник и мыслитель»). Такая книга, именно теперь изданная в Харбине, была бы любопытным явлением. Посмотрим, что из этого выйдет [38].

Редактор «Нашей Зари» пишет, что моя статья «Болезнь клеветы» вызвала всеобщее внимание. О том же писал нам и полковник Бендерский, председатель национальной общины в Тяньцзине.

К сожалению, получены неблагоприятные сведения об архиепископе Несторе. Проверю и сообщу их. От митрополита Антония вчера получено поздравление с прошедшими праздниками и благословение...

25 февраля. Ваши сообщения мы сообщили сохранным путем В.Н. Грамматчикову. Действительно, необходимо, чтобы там вполне осознали очень важное обстоятельство, что первое сообщение обо мне пришло (увы) из Харбина. Для вашего внутреннего сведения прилагаю, как именно мы сообщали. Конечно, ответ будет не ранее 8-10 дней и попадет в следующую мою почту. Действительно, Харбину нужно очень подумать, чтобы не взорваться. Вчера у нас были опять большие разговоры о Канзасе — как спешно это дело.

Сегодня телеграмма от Луиса [Хорша] о новой победе. Именно как третьего [дня] Елена Ивановна телеграфировала об идущем успехе. Приложим все силы, чтобы каждый со своей стороны, в разных местах земли, положил бы все свои возможности к тому же благому направлению. Послали в Америку телеграмму, радуясь победе и ожидая таких же добрых вестей о Канзасе. Какое это огромное и светлое дело.

Теперь о другом. Во время наших поездок можно бы при случае рекомендовать американские машины, земледельческие орудия и всякие аппараты. Тем самым хотелось бы всячески помочь Америке. Может быть, «Харватер К°» или какие-либо другие хорошие предприятия можно бы упоминать при этом. Подумайте о другом, что полезнее можно сделать.

Завтра я запишу о благоволении [39]. Будем применять его во всех областях. Ведь хорошие люди приходят за советом. Будет ли совет по ботанике, медицине, археологии или вообще жизни — безразлично, по человечеству мы должны подать его, а где можно — то и помочь.

Для Друга, наверно, приятно знать, что его страна так хорошо поминается. Тем более нужно сделать все во благо. Хотелось бы, чтобы со временем и Главный [14] понял полезность страны. Наверно, такой момент придет, когда и он скажет большое спасибо за все благо сделанное.

1 марта. Пекин. С утра думаю о Пакте. Именно о состоянии Пакта в Европе. Из письма Шклявера [40] вчера невозможно представить, что именно там делается и делается ли. Даже о Балтийских странах вдруг получилось опять нечто неопределенное. Ведь мы знаем, что делается с Южной Америкой, но если спросите меня, знаю ли я доподлинно, что творится в Европе, я должен сказать — не знаю. А между тем, сегодня первое марта, иначе говоря, уже меньше полутора месяцев до 14 апреля [41]. Вообще, если подвести итог от нашего пребывания в Париже за целый год, то я не уясняю себе, как там протекают дела Пакта, и даже не знаю действия Парижского Комитета. Были отрывочные сведения, но какие именно результаты этого, не

знаю. Конечно, за дальними расстояниями многое скрадывается, но сроки так близки, и, естественно, беспокоюно о результатах. Ведь годовой срок — очень большой срок...

Сейчас пришла телеграмма о Галахаде и Канзасе. Будем надеяться, что и более определенные ответы не за горами. Мне кажется, если бы Галахад вполне усвоил действительное значение этого дела, он бы нашел в себе новую энергию, чтобы найти всё нужное. Ведь для дела такого искательного значения нужна и исключительная устремленность. Я бы написал ему сам, но меня стесняют некоторые выражения, которые гораздо легче выяснять в личных беседах. Вопрос гарантий можно всячески закрепить, а по ближайшим событиям, как скоро увидите, многие значения еще углубятся.

Вчера были на одном китайском обеде, где опять говорилось о падении доллара. Как-то незаметно для многих, но ощутительно для некоторых оно происходит.

Прилагаю письмо к Галахаду, по почтовым условиям предпочитаю этот язык. Хорошо переведите его и передайте, при этом еще раз выразите мою надежду о том, что он понимает значение Канзаса и его спешность.

2 марта. Пекин. Заключаем эту посылку словом «спешность». О чем ни подумать, все звучит этим приказом: и Канзас, и Пакт, и зерно, и дипломатия по ликвидации клеветы. Решительно во всем этот призыв о спешности. А следующий призыв о дружности; хотелось бы его сказать по всем странам и по всем городам. Дружелюбие, а за ним и дружная работа требуется как никогда. Последние победы Луиса еще раз говорят, что и в трудные времена работа может не только идти, но и развиваться. Даже в Харбинском содружестве развивают свою работу. Итак, спешность и дружная работа, в этом мое пожелание к 24 марта. Это число напомнит о всех победах.

4 марта. Пекин. Имели несколько писем из Харбина. Там все очень сложно и удивительно. Опять была беседа о Канзасе. И еще раз выявились новые неотложные соображения. Занесли карточки Джонсону, американскому посланнику, только что вернувшемуся из Штатов. Сегодня у нас чай у миссис Харрисон, во вторник обед у Вальтера Янга, в среду в Шведской миссии, в четверг чай у генерала Томашевского. Соображаем об отъезде, но определенно говорить не будем, дабы не вызывать ненужностей.

6 марта. Пекин. Повторные выпады тяньцзиньской газеты показывают, что чье-то благословение на это продолжается. Никто здесь не верит, чтобы газета это допускала без благословения.

Вчера приходил генерал Томашевский, очень уважаемый человек, и прямо спрашивал: «Кто же это такой, кто испугался Вашего приезда на Дальний Восток». Можно бы при этом предполагать разные обстоятельства, но упоминаемые нами газеты находятся в японском распоряжении.

Вчера же мы узнали, что четверо живущих в нашем отеле едут приблизительно в том же направлении, как и мы. Это напоминает встречу по дороге в Лех.

Свен Гедин [42] в Китае. Словом, целый ряд старых персонажей.

Прочтите мои листы «Напутствие» и «Удача». И о том и о другом можно думать на разных материках. Ко всему нужно быть готовым, как сказано в «Напутствии», и нужно беречь удачу сознательно и торжественно.

Постоянно приходится слышать, что и в харбинских содружествах, и в других кружках появляется вредное соревнование, взаимное утеснение и подозрение. Всячески намекаю в Харбине, что удача зависит от согласованности действий, а главное, сердечной согласованности. Ведь действительно, нельзя же ограничиваться только формальной организацией. Ведь всюду нужно осознать, насколько требуется сердечная согласованность. Потому напоминайте и предлагайте по всем нашим организациям внутреннюю сознательную согласованность.

Не знаю, успеваете ли переводить все мои записи. Ведь в каждой из них включено что-нибудь, как общее, так и многие советы по частным случаям. Приходится держаться часто эзоповой формы, но вы ее понимаете.

Одно никому здесь не понятно, каким образом уже почти четыре месяца продолжается организованная травля в японских газетах. Можно ли хотя на минуту допустить, что все дипломатические представления не могут обуздать темные силы. Как видно из посещения генерала Томашевского, даже самые терпеливые люди и те понимают, что творится нечто преднамеренное и предуказанное.

Мы можем внутренне не огорчаться, но практически должны принимать достаточные меры. Ведь ясно, что некто хочет нападать. Значит, как нам еще давно говорил Флорио, «нужно защищаться»...

9 марта. Пекин. Уже идет укладка, запасаемся нужным на несколько месяцев. Опять повторяю Канзас, Канзас. Не допускает ли кто-нибудь ординарного порядка мышления, где требуется совершенно экстраординарный.

Приезжает Свен Гедин. Нам предложили его верблюдов. Юрий вспомнил свой сон об этом...

В письме Елены Ивановны столько блестящих указаний. Мой Записной листок «Бережливость» еще раз напоминает, насколько в особые времена нужна особая бережность. Пусть хранят согласованность. Радостно видеть, когда дела света не подражают делам тьмы. Идите бордо и торжественно.

Только что получено официальное письмо из министерства иностранных дел Токио, копию которого вам посылаем. Как видите, это письмо чрезвычайного значения. Ведь оно подписано официальным спикером министерства. Мы ответили на это письмо, что нам очень приятно было слышать о расследовании этого безобразия газетной кампании и мы рады слышать, что приняты меры для прекращения этих безобразий, но при этом с большим огорчением мы должны сообщить, что как «Харбинское Время» от февраля поместило вновь клеветническую статью по поводу Пакта по охране культурных сокровищ, так и тяньцзиньская газета, издающаяся на японской концессии, от 24, 22 и 28 февраля и 3 марта продолжает невежественно клеветнические

выпады. Мы вполне согласны с определением г-на Амо [43] о том, что именно крайняя невежественность порождает подобные антикультурные выпады, и мы верим, что и в данном случае будут приняты те же справедливые меры для обуздания людей, вносящих разложение.

Таким образом, это письмо дает как нам, так и вам возможность добиваться воздействия для обуздания нечестивых невежд. Конечно, письма Амо посылаем, кроме Нью-Йорка, Индии, в Харбин (В.К. Рериху и В.Н. Грамматчикову), а также Черткову и Шкляверу. Конечно, и здесь оно будет показано некоторым соотечественникам. Итак, еще раз видим, что где неутомимость, там и победа.

12 марта. Посылаю фотостат министерского письма и копию нашего ответа. Также посылаю две копии моих писем доктору Хи и доктору Зену об их избрании в почетные члены нашего Общества. Примите это во внимание. На случай — адреса их находятся на копиях.

Видели вчера вечером Свена Гедина, который был дружелюбен. Я ему послал воспроизведение картины «Помни» с надписью.

Посылаю также копию моего письма к В.К. [Рериху]. Очень жаль, что он куда-то уехал, как раз перед нашим отъездом, и таким образом деловой обмен прервался. А ведь теперь это будет совсем не так легко.

По некоторым письмам друзей из Харбина чувствую, что занятие представительством ему не очень улыбается. К тому же и действия по отчету, уже за четыре месяца, ни мы, ни вы не имели, а ведь это было время прямо исторических событий.

14 марта. Завтра американский посланник чествует обедом Свена Гедина. Гитлер прислал Гедину какую-то звезду. Очень хорошо, что многие страны, а также и Америка, приветствуют выдающегося путешественника.

Посылаю вам медленной почтой в Нью-Йорк длинное письмо Чертова, а также оригиналы ответных писем от вновь избранных наших почетных членов докторов Хи и Зена. Оба письма, как видите, хорошие. Их можно бы поместить в прессе, т.к. оба эти лица здесь пользуются известностью.

Пишу нашим друзьям в Харбин, чтобы они сохраняли между собою крайнее содружество как лучшее оружие против сил темных. Мое письмо Луису [Хоршу] для Постоянного Комитета он может или сообщать Комитету, или оставить в делах, сказав содержание письма Другу.

Замечательно, что в разных частях вспыхивают добрые победные знаки. Охраним и произрастим этот сад добрый.

Сейчас получили от Франсис [Грант] копию ценного посольского письма. Очень нужное письмо. Спасибо Другу, что это было сделано. Как видите, там, где выражена крайняя твердость, там и следствия хороши. Конечно, мы не можем опубликовать этого письма, но кое-кто, частным порядком, его увидит. Оно еще больше подкрепит письмо, здесь нами полученное. Действительно, все происходящее может послужить на особенную пользу, если только доводить действия до конца.

В день отъезда пошлем последние записи и наши лучшие приветия.

Сегодня в газетах имеется длинная статья о проекте какой-то особы считать Рим центром мира, и такие проекты очень длинно обсуждаются.

Между прочим, Джонсон, когда мы ему принесли книгу Пакта, сказал, что она у него уже имеется. Комментариев никаких не было.

Ожидаем, сообщит ли нам что-нибудь японская легация по поводу наших заявлений о Тяньцзиньской газете.

Спешим с укладкой. Как всегда, много маленьких задержек с вещами...

15 марта. В здешней «Пейпинг Хроникл» перепечатка из вчерашней «Зари» о бумаге из японского министерства. Посылаю вырезку. Опять же нужно смотреть на эти развития дела как на тактику адверза, соображая все ее преимущества. Предупредите и Друга нашего, чтобы и он так же смотрел на это дело. Подобное начало пусть доведется до конца. Последние судороги тигра бывают очень свирепыми.

В письме Франсис [Грант] относительно Канзаса есть упоминание, что без Главы дело не может свершиться. Конечно, Елена Ивановна к этому будет знать лучшие сроки. Во всяком случае, у нас ежедневно десятки раз упоминается Канзас. Сейчас построение этого культурного дела особенно значительно и неотложно, как для вас, так и для нас.

Блестящая победа, одержанная Луисом [Хоршем] на одном фронте, сразу переносит внимание на последующие действия. По нынешним временам вы сами знаете, что «промедление — смерти подобно». Я не сомневаюсь в том, что всеми делается всё возможное, но теперь нужно Канзас — для всего...

17 марта. Дни последних сборов. Конечно, как всегда, множество и малых и больших соображений.

В «Харбинской Заре» хорошая статья о нашей экспедиции.

Вчера комиссар почт Полетти делал нам прощальный завтрак. Вечером был большой обед, даваемый разными пекинскими организациями Свену Гедину. Мы на обед не пошли.

Не придумаю, в каких бы еще более ясных словах сказать Другу о значении Канзаса. Во что бы то ни стало нужно достигнуть удачи в этом деле...

Только подумать, что этот дневник дойдет до вас уже почти к 15 апреля. Конечно, вы передадите мои приветствия в наилучшей форме. Ведь все зерновые вопросы тоже нужно решать с каких-то новых точек зрения. Твердо уверены, что и эти вопросы разрешатся. Не забудем о продвижении.

Ни в Харбин, ни в Тяньцзинь и в Шанхай никаких книг не посылайте. Слишком много вероятия, что они могут попасть в самые злонамеренные руки и подвергнуться злобным выходкам. Любопытно, что мы так и не получили десяти книг Пакта, посланных из Нью-Йорка в Харбин. Телеграфно мы запрашивали В.К. [Рериха] немедленно их нам переслать, но никаких книг не получили. Значит, в Харбине они не были получены. Если

не были получены в Харбине — это ко благу. Во-первых, по-английски там читают мало, а во-вторых, пять опечаток, о которых я уже писал вам, как и все опечатки в мире, — неуместны...

19 марта. Скажите Другу, что экспедиция пока только получила [средства] до июля. Значит, еще должны быть средства до ноября. Также еще раз скажите, что, желая блага, мы будем продолжать всякие полезные изыскания и после этого срока.

Из соответственных моих статей можно сказать и самому Главе [14], как высоко я ценю его заботы о будущем. Среди всяких мировых смущений особенно ценны заботы о будущем процветании.

Посылаю в Нью-Йорк из «Шанхайской Зари» мою статью «Учение». Хорошо бы ее переправить Ростовцеву [44] в Нью-Хэвен.

Сегодня ночью и еще теперь гремит сильный ураган — явление обычное. Укладываемся, собираемся. Вчера пришла телеграмма от Елены Ивановны — пламенная и убедительная к успехам. Дружно идите по этому пути.

23 марта. Калган. Как и подобает, уже выяснилось, что в понедельник 25-го нам не выехать из-за машины. Отъезд положен на вторник 26-го. Много вещей набирается, особенно с мукой, картофелем и тому подобными предметами, которых в Монголии не имеется.

Сюда приехал из своего монгольского имения Ларсен [45], который называется «дюк оф Монголия». Книга о нем была у Юрия. Он бывший миссионер, занявшийся потом торговым делом; швед, а жена его, тоже бывшая миссионерша, — американка. Конечно, это совершенно особый мир.

Завтра повсюду в наших обществах помянется 24-е марта. Знают ли об этом сроке и разные вновь учрежденные общества? Ведь есть какие-то теперь в Филадельфии, в Тулузе и еще каких-то местах, которые я совсем себе плохо представляю.

Горло мое здесь несомненно лучше, но все еще смазываем и полощу. Странно, ведь никаких внешних признаков как будто нет.

Поставьте в конец Записного листка «Калган» прилагаемую легенду о белом коне. Если выехали за пределы стены под знаком белого коня, то найдем опять и монгольский камень.

25 марта. Хорошо бы послать для Светика журнал «Азия» от января 35-го. Его интересуют две статьи, одна «Пандит Таранат» и другая, о происхождении человека в Азии, — известного геолога Грабау.

По некоторым сведениям в Монголии еще лежит снег, но во всяком случае Ларсен, только что приехавший оттуда, видел снег лишь в низинах. Собираемся выехать завтра ранним утром. Хочется закончить еще раз упоминанием о Канзасе. В Китай приезжает целая группа американских банкиров и мануфактуристов для восстановления деловых сношений и устройства займов. Конечно, возможности Китая и всех его областей необыкновенно обширны.

Помните, во всем спешность очень велика. Шлем еще раз привет бодрости и торжественности.

27 марта. Цаган. Уже в юрте у Ларсена. Прошлая ночь в Чапсере напомнила некоторые в Китайском Туркестане. Из-за ненужных задержек в таможне не успели доехать до Эриксона (шведская Миссия) и должны были остаться в грязном Чапсере. Утром в 7 ч. двинулись до Эриксона, куда подоспели и две отставшие машины. У Эриксонов нас покормили, и в двенадцатом часу мы добрались до Ларсена. Он приспособил старьё монастырь тибетского стиля — своеобразно.

Сейчас Монголия черно-пегая — всюду палы — выжигают траву. Холмы, холмы во всех извилистых линиях. Ночью холодно. Кое-где остатки снега. Сейчас мы предпочли юрту, ибо в храме мозгло. Завтра [поедем] до ставки князя Девана [46]. Высота от 4000—5000 футов. Горлу моему сразу лучше. В прошлом здесь грабили хунгузы.

30 марта. Вчера вечером приехал хутухта от князя, прося нас навесить его сегодня или не позднее [чем] завтра. Оказывается, князь приехал через четыре часа после нашего отъезда, и потому осталось совсем непонятным утреннее радио из Батухалки о том, что князь еще в 10 ч. утра был там. Конечно, во всем могут быть разницы языка, недоговорки и всевозможные непонимания.

Если достанем машину — поедем сегодня же; если не достанем — будем стремиться сделать это завтра.

На солнце — тепло; в тени — два градуса холода по Цельсию.

Машины достали, едем в ставку. Имели хорошую беседу с князем. Остаемся ночевать. Назавтра установим место нашей будущей ставки. Для работ местность вроде Аризоны или Нью-Мехико. Песчаные барханы с растительностью поистине сухостойкою. Эти травы и кустики, если выдержали здесь, то выдержат повсюду. Сама ставка князя напоминает ставку Карашарского Таин Ламы. Чисто. Кушанья китайские. Около ставки новый, выстроенный князем для Таши-ламы [47] дворец, где его святейшество еще не был.

31 марта. База для работ избрана в двадцати милях от ставки. Около монастыря Пиндог Деделинг, что значит: прекрасное место, приятное. Напоминает стан около Шарагольчи. Нам поставят пять юрт. Жаль, что переводчик-бурят еще не приехал и это затрудняет переговоры. На обратном пути из монастыря пришлось ехать через горы и буераки, что для стареньких фордов было почти не под силу. Вот Минухину Форд подарил какую-то замечательную машину. Что же делать, мы ведь не скрипачи.

Возвращаясь вечером в Цаган Куре, мы встретили три японских машины, следовавших в ставку князя, по-видимому, из Далай Нора. Ночью дозорные видели лучи прожектора, верно, опять какая-нибудь машина.

В монастыре имеется изображение Майдари.

1 апреля. Ясный солнечный день. Стоим в Цаган Куре. Будем ждать, пока поставят юрты на нашем месте и князь пришлет машины. Перед нами безбрежное море монгольских холмов. На здешнем воздухе горло мое оконча-

тельно прошло. На склонах появляется первый зеленоватый налет. Жаворонки. Клушицы. Вчера по пути видели много дзеренов.

Если бы Канзас скорее. И здесь о нем думаю.

2 апреля. Ветреный день. Сидим в ожидании или вестника об установке юрт в назначенном монастыре, или бурят с конями. Конечно, все это не так скоро делается. Юрий [Рерих] уже достал ботанические книги. Между прочим, на самом месте нашей будущей ставки мы нашли эфедру. Наши наскоро учат монгольский язык, ибо без языка везде трудно.

Полагаю, что в Харбине должны быть какие-то отзвуки министерского письма. Но вопрос почты остается довольно смутным — как она будет доставляться. Например, когда мы ехали к князю, по дороге нас остановил верховой гонец одной из местных почтовых контор и вручил нам телеграмму на имя Ларсена, за что ему и следовало получить четыре доллара.

Тогда же я подумал, что и наша телеграмма таким же образом, чего доброго, может быть вручена проезжающим. Конечно, у нас нет никаких особых тайн, но какое-либо нужное или радостное известие может укатить куда-то далеко в степь. Ну как-нибудь, по обыкновению, и этот вопрос наладится. Конечно, когда мы обоснуемся в нашей ставке, мы примем все меры для наилучшей, по местным условиям, почтовой доставки. Она особенно будет нужна для известий о Канзасе, ибо эти сведения, конечно, будут нуждаться в особо верной доставке. Не сомневаюсь, что наш Друг вполне понимает, как для себя, так и для страны, эту полезность. Сравнительно с малыми средствами можно иметь большие результаты. Конечно, в данном случае слово «большие» не годится. Наверное, Записные листы не только попадают в прессу в Америке, но и частью из Индии, частью из Нью-Йорка идут и в Латвию, и во Францию, Югославию, а когда полезно, то и в Южную Америку. Наверное, за это время создались новые отношения в американской прессе.

Я уже писал, что из Харбина извещали о напечатании в Калифорнии моей статьи «Мутатис мутандис». Вспоминаю это опять лишь к тому, что и статья архиепископа Нестора о Японии, помимо нашего желания, чуть было не попала в книгу о Сибири [48]. Хотя бы этот один факт показывает, как трудно уследить за движениями в разных странах, так удаленных друг от друга. Конечно, мы, неся Знамя Мира, не будем ссориться, но там где нужно, надо со всем достоинством сохранять лицо. Вы понимаете, о чем и к чему я говорю. Жаль, что Джонсон остался лишь в пределах приличия. Ясно, что старые дома не вмещают новых жильцов. Пусть наш Друг это не только имеет в виду, но и блюдет дозор.

Конечно, вам хочется знать, как и где пишется этот дневник. Пишем в упраздненном храме тибетской архитектуры. Конечно, все изображения вынесены, но остаются расписные столбы и карнизы. Посередине — железная печь. Перед храмом две юрты, в которых мы все и помещаемся. Позади храма небольшой дом хозяина этого места, Ларсена — сам он все еще в Калгане.

Могу себе представить, сколько вопросов и действий является у вас перед пятнадцатым апреля. Мысленно соучаствуем с вами.

4 апреля. Ясный, но ветреный и более холодный день. По словам монголов, холод будет еще месяц. Хотелось бы знать, какие именно новые сотрудники выдвинулись за прошлый год в разных странах. Обычно каждый год принесил очень многое. А за прошлый год потери и смерти были велики. Очень интересно знать, как пополнялись эти потери. Опять хочется напомнить, чтобы при переводе моих Записных листов не происходило ненужного повторения. Ведь кое-что переводится в Нагаре и кое-что в Америке. Было бы жаль, если потрадилась бы двойная энергия. Держите взаимное ознакомление.

Уже не повторяю о Канзасе и о зерне, конечно, всем эти обстоятельства очень близки. После 25-го марта не имею газет, а между тем всюду оставалось такое сложное положение...

6 апреля. Цаган Куре. К вечеру ожидали дождя. Как будто в окрестностях и пролились тучи, но до нас не хватило, а вечером опять вызвездило. Смотрели небесную карту. Сегодня утро ясное. О бурятах по-прежнему ничего не слышно. Даже не придумаем, где это они могли запропасться.

В последних газетах, то есть от 25 марта, видно, что последние действия Германии опять займут внимание Европы. Хотя именно это обстоятельство и должно бы подвинуть вопрос Пакта, но, к сожалению, не произойдет ли обратное? Опять начнутся разговоры о неотложных «важных» делах. Между тем, если и в то время, когда наш председатель в составе министерства [49], трудно, то что же было бы без него. После письма министерства иностранных дел, конечно, вопрос выставки в Париже несколько улучшается. Но всё же очень странно, что мы вообще не знали, кто же именно выставку собирает, кто ее страхует, кто отвечает за нее — все подобные существенные вопросы остались совершенно неясными...

8 апреля. Хотя и не холодный, но очень ветреный день. Вчера наши разведчики обнаружили остатки древнего леса, причем пни достигали почти до двух аршин в диаметре. Значит, и здесь было то же самое — были леса и источники, но древняя бесхозяйственность все это запустила и уничтожила.

Луис [Хорш] пишет, что для дела Канзаса необходимы сведения о доходности обеспечений за пять лет и «блю принты». Первое условие, конечно, вполне выполнимо, и мы этот вопрос поставим. Но какие именно «блю принты» требуются, придумать не могу. Когда речь идет о целом штате, то ведь можно представить лишь карту всего штата, которая всюду и имеется. Цифры доходности ведь были вполне указаны в письме Юрия [Рериха]. Если бы мы знали все требуемые подробности, нам тем легче было бы ставить эти условия. Конечно, вы понимаете, что речь идет не о частной движимости или недвижимости, но о целом штате — ведь Канзас в большом штате. Так или иначе, это культурное полезное дело нужно спешно продвигать. Никакого письма, о котором были сведения от Друга, мы не получали. Конечно, требуется осмотрительность в выражениях, чтобы не было недоразумений.

9 апреля. ...Продолжаем после отправки почты. Сейчас двое из наших пошли в шведскую миссию и там отдадут пакеты. У нас проявляется справедливое нетерпение: почему так долго наша ставка еще не устроена. То место будет для всех изысканий еще удобнее.

Вернулся наш посланный. Нам придется еще постоять в этом месте, ибо проезжает местный генерал-губернатор. Даже в самых простых условиях все-таки многое не так просто. Хорошо еще, что мы выехали сюда так рано, и потому для ботанических работ эти проволочки вреда нанести не могут.

Выяснилось, что у нас со статьями произошла еще одна ошибка. Видимо, в Америку была выслана вторая страница Записного листа «Зов Роланда». Будьте добры, пришлите нам эту вторую страницу, чтобы у нас был один полный комплект. Кто знает, может быть нам здесь придется пробыть и до 15-го апреля — не для того ли, чтобы успеть получить какие-либо вести из Америки по делу Пакта.

10 апреля. И вчера и сегодня повернуло вдруг на холод. Ночью мороз и целый день холодный, почти северный ветер. Таким образом, и по этой причине совсем недурно, что нам приходится стоять здесь, в уже обжитом месте. Кроме того, конечно, и встреча с генерал-губернатором лишь оторвала бы нас от обычных работ. Словом, как всегда, все делается к лучшему. Если только это «лучшее» усмотреть. Остается совершенно непонятным, куда девались буряты с уже купленными лошадьми. Никто о них здесь и не слышал. Конечно, на этих днях и это обстоятельство так или иначе выяснится. При случае расскажите нашему Другу, что даже, казалось бы, и при обычных передвижениях могут быть всякие неожиданности. Ведь теперь всюду очень много осложнений. Почему-то нам перестали высылать газету из Тяньцзиня, и, таким образом, после 25-го марта мы не знаем новостей. Может быть, уже Негус сражается с Муссолини или что-нибудь подобное.

Как бы ни прошло 15-е апреля, нужно сразу идти на тех же полных парусах вперед. Если бы даже откуда-то почуялась обструкция, нужно преодолеть и это зло. Характерно, что Латвия не получила бумаги от «старого дома». Любопытно, какие именно страны эту бумагу вообще получили. Мне почему-то кажется, что и в Китае о ней не знали. Значит, нужно и эту загадку раскрыть. Князю [Девану] мы передали Знак первой степени и знамя. Жаль, что с нами не оказалось ни одной медали [50]. Вышлите нам четыре экземпляра — они пригодятся...

11 апреля. Вчера вечер и сегодня утро очень холодные. Продолжается северо-западный студеный ветер. Вечером, к нашей радости, появился почтарь на ослике. Привез несколько писем из Харбина (опять с упоминанием впечатлений от министерского письма), а также письмо Фридендера и две телеграммы из Америки. Телеграмма от Франсис [Грант] извещает: «Подписание Пакта в Белом Доме при участии президента». Это знак большого значения. Этим президент Рузвельт доказывает свое личное участие в культурном деле. Тем самым он приобщает себя к тем главам правительств, которые справедливо

оценивают значение культуры. Я был глубоко тронут этим обстоятельством. Так хотелось послать президенту приветственную телеграмму. Но сегодня уже одиннадцатое, и отсюда потребовалось бы во всяком случае не менее недели, чтобы доставить телеграмму хотя бы в Калган. Во всяком случае, прошу вас через Уоллеса передать президенту мое сердечное приветствие. Теперь у нашего Постоянного Комитета прибавится еще более работы. Вероятно, этот же Комитет в пополненном составе будет вести фактическое применение Пакта в Соединенных Штатах.

Вторая телеграмма нам осталась менее понятной. В ней значилось: «С нашей стороны нет промедления в деле Канзаса. Мы задержаны неполучением ваших подробных сообщений требуемых с самого начала». Не понимаем, какие именно данные нужны для принципиального продвижения дела. Сумма займа была определена. Предлагаемые проценты были сообщены. Были определенно указаны сроки возвращения займа и перечислены те обеспечения, которыми гарантируется заем. Эти обстоятельства достаточно характеризуют все дело, и мы, со своей стороны, всё время ожидали, какие дополнительные вопросы воспоследуют от заинтересовавшихся лиц. С тех пор был запрос, через кого предпочтительнее действовать, и мы телеграфировали, что действовать вернее через Никольсона [51]. Затем, в последних письмах, уже полученных здесь, было два обстоятельства, упомянутых в заседании Луисом [Хоршем]. Первое из них: цифры доходности указанных гарантий за пять лет (на что мы и ответим), и второе, как я уже отмечал, непонятное для нас обстоятельство о блю принтах. Должны ли эти так называемые блю принты представлять общеизвестную карту штата или что другое, понять никак невозможно. Эти соображения я хотел послать вдогонку приезжавшему почтарю, но он ушел еще рано утром, и потому это останется до следующей почты. Не буду повторять, что дело Канзаса является чрезвычайно существенным, более того, основным. Если имеются какие-либо еще вопросы, сообщите их как можно скорее, ведь времени так мало. Конечно, для многих это звучит так странно, что для американского штата приходится переписываться через Китай, но что же делать, если дело базируется на личных отношениях.

Здесь получилось сведение, что генерал-губернатор проезжал. После его возвращения передвинемся на новые места.

Как говорят, зима здесь была необычайно теплая, а зато сейчас завернул холод и значительный мороз ночью. Как бы не подмерзли травы, которые начали уже зеленеть.

Из харбинских писем интересно отметить, что редактор газеты «Гун-Бао» Головачев сообщил В.К. [Рериху], что появившаяся в газете вредная заметка была напечатана уже после его ухода из редакторства. Конечно, подобные заявления есть не что иное как одно из следствий министерского письма. Опять указывается, что статья «Мутатис мутандис» была снабжена тем же титулом. Конечно, за такие уснащения мы отвечать не можем. Вообще, иногда хотелось бы напомнить людям, обращающим внимание на всякие несообразности, пресловутую легенду о чилийском оружии, или об экспедиции в Абиссинию,

или о моей троекратной смерти, или измышления о том, что я — не Рерих. Мало ли какая чепуха произносится невежественными или злонамеренными людьми. «Коль слушать все людские речи, придется и осла себе взвалить на плечи».

12 апреля. Как будто бы немного потеплело, но все же есть угроза ветра.

И вчера к вечеру, и сегодня под утро замечали какие-то автомобили. Ночью дозорный слышал как бы или пропеллер, или вторую скорость грузовой машины. Все это по направлению к ставке. Ясно одно, что нам пока что лучше побыть здесь. У меня является предположение, что одна из причин — чтобы скорее получить известие о 15 апреля. Продвинувшись дальше, мы окажемся еще более отрезанными от почты. Наверное, за время посещения Вашингтона еще лучше наладится и наше местное Общество. Очень желательно, чтобы именно там Общество было бы деятельным.

14 апреля. Ясный день. Вдали пробежали утром две машины от ставки по Далайнорской дороге. Вчера вечером видели фары машины, как будто подошедшей к миссии Эриксона. Не вернулся ли из Пекина Эриксон. Тогда можно было бы ожидать и почту.

Мы послали опять нашего монгола в ставку. Совершенно непонятно, где остался бурятский нойон, с бурятами и конями. Любопытно, что в лошадиной стране такие трудности именно с конями.

Приготовили знамя, чтобы завтра поднять его над байшином. Местный монгол вовсе не удивился, но сейчас же признал Чинтамани, или, по его, — Эрдени. Осведомился, какой у нас праздник. Между прочим, у нас сделана кайма в цвет знака, и это получается очень эффектно. Приходит мысль, не оставить ли вообще эту кайму. Помню, что и в Бельгии, и во Франции, и в Пан-Американ Юнион знамена наши были с золотой бахромой, но красно-вишневая кайма, пожалуй, лучше золотой бахромы. Предоставляю это обстоятельство на общее соображение. Завтра мы снимем фотографию, и вы увидите, как оно все выглядело.

Мне чуялось, что вчера, в субботу, в вас было какое-то напряжение. Конечно, это вполне возможно перед знаменательным днем. Если раньше было общественное признание, то сейчас это уже государственное признание.

Сейчас получены телеграмма о подробностях Канзаса и письмо Зины [Лихтман]... Телеграмма о Канзасе читается: «Требуются детали в состав администрации место отношение прочих штатов проценты займа потрачиваемые здесь и для чего дополнительные гарантии возможность концессий и как именно гарантируется стоп Требуется средство для телеграмм о Канзасе». Выясняю место — главный город штата. В администрации глава управления штатом. Отношений с другими штатами нет. Сумма займа уже сообщена. Сумма гарантий тоже имеется в письме Юрия [Рериха]. Концессии возможны, гарантированы штатом. Фонды нужны. Конечно, этот телеграфный язык вам понятен. Как вы понимаете, уже имеются конкуренты, допущение которых было бы губительно. Цифры доходов означенных гарантий за пять лет сообщу при первой возможности.

15 апреля. День Пакта. Над занимаемым нами байшином уже водрузилось Знамя. Снимем фото и пошлем вам. Сколько бы стран ни подписало Пакт сегодня, все равно этот день сохранится в истории, как памятное культурное достижение [52]. Вероятно, сегодня же обнаружатся и какие-либо темные попытки. Этот отбор Света и тьмы неминуемо должен происходить. Это не есть разделение мнений, но именно отбор созидательного и разрушительного, положительного и отрицательного. Как успех подписания Пакта, так и какие-либо противодействия, и то и другое должно одинаково поощрять всех сотрудников к дальнейшему преуспеянию. Будем хранить в памяти этот день как знак светлого будущего. Продолжаю соображения в Записном листе «Знамя».

18 апреля. Вчера к вечеру, как всегда неожиданно, появился почтальон с письмами из Наггара и от В.К. [Рериха], а также с журналом для вас. Как всегда, письмо Елены Ивановны от 12 марта заключало в себе многие знаменательные сообщения. Всем нужно помнить замечательную фразу о том, что «мед нельзя оставлять долго открытым». Поистине, это относится ко многому. Мы могли бы добавить к этому явные признаки. Итак, всюду приложим усилия, чтобы не оправдать замечательное изречение. Все знают, сколько мух появляется, в особенности в летнее время. Было и письмо от Шклявера. В нем он сообщает о нелепых междоусобных выпадах эмиграции в Париже. Прямо безумие! Серьезный человек Ильин называет Бердяева большевиком. Известный провокатор Павлов в своем подкупном «Едином фронте» обрушивается на нашего Шеринского. Прямо больно смотреть, что если кто-нибудь хоть что-нибудь делает, то немедленно его стараются опорочить.

В.К. [Рерих] сообщает, что «Священный Дозор» все еще не разрешен. Как же это сопоставить с любезностью известного министерского письма. Наши биографы должны очень не забыть весь харбинский танец смерти, а также проделку со «Священным Дозором». Думаем, что в этом случае, конечно, действуют фашисты и прочие «компатриоты». Хорошо, что у нас имеется один экземпляр «Священного Дозора», и таким образом полное содержание книги известно. Прилагаю для Владимира Анатольевича [Шибалева] [53] ответ на его вопросы о статьях. Очень рад слышать, что перевод статей готовится в Наггаре.

Какие прекрасные снимки с картин Светика [С.Н. Рериха] прислал Владимир Анатольевич. В них хорошо передана вся сила самих оригиналов. Какой мощный художник Светик! Неужели сейчас все искусство в Америке замерло, если продажи картин невозможны...

19 апреля. Вчера к вечеру приехал монгол с неожиданным сообщением о какой-то битве между монголами и китайцами около монгольского центра Батухалки. Трудно определить размеры такого сражения. По-видимому, с той и с другой стороны действовало по одному конному полку. Может быть, само по себе это и не так серьезно, но зависит от того, что кто-то и где-то захочет что-либо придать этому событию. Во всяком случае, известие было неожиданным, ибо только что газеты объявляли о полном соглашении.

Сегодня ночью дозорный видел метеор, упавший с большим светом в восточном от нас направлении. На днях уже был найден кусок метеорного железа...

Юрий втроем сейчас пошли на экскурсию, ибо уже появляются первые травки и даже цветы. При таких неожиданных воинственных вестях, как вчера, может быть и очень хорошо, что провидение пока оставляет нас там, где мы стоим. Даже не может быть, а это даже так и есть...

20 апреля. Получились сведения, что в пятидесяти верстах появилась шайка хунзузов, около ста человек. Как обычно бывает, это бывшие солдаты какого-то распущенного полка. Примем во внимание.

Удивляемся, что, несмотря на наши многократные запросы, мы все же не получаем ответ из Пекина о купленных нами и почему-то до сих пор не доставленных лошадях. Получается нечто странное. Человек, их продавший, является лицом известным и по своему положению не решился бы просто обмануть нас, т.к. ему скрыться некуда. Но почему теперь всё запоздало уже на три недели, мы и придумать не можем. Кроме устных поручений, данных проезжающим в Пекин, было послано радио, кроме того, письмо должностным лицам в хошун, где пасутся купленные лошади, — но все это, очевидно, куда-то проваливается.

Конечно, еще вчера писался Записной лист о терпении [54], потому нужно применить это качество, но обидно видеть, как из-за каких-то проволочек теряются разные возможности. Ведь за эти три недели мы могли бы уже основаться на новом месте, располагая способами передвижения. Конечно, было бы хорошо иметь хотя бы одну свою машину, но при других больших расходах трудно решиться на такую затрату. Конечно, одна машина значила бы лишь передвижение легкое для оповещений, но для переездов одна машина все равно не могла бы сочетаться с конским или верблюжьим караваном.

Вчера к вечеру и ночью подымалась сильная песчаная буря, но сейчас опять прояснило, при свежем северном ветре...

21 апреля. Цаган Куре. Вчера появилось новое сведение. За Алашанью на итсенгольских торгоутов нападают несколько тысяч мусульман. Грабят и уничтожают. Трудно понять, киргизы ли или дунгане. Конечно, размеры происходящего из устной передачи приезжих понять нельзя, но характерно, какие именно сведения циркулируют в пространстве.

Ровно год, как мы уехали из Америки. Год тому назад освящена и часовня Преподобного Сергия [55]. Одно обстоятельство при этом остается для меня удивительным. В устройстве и в заботах о часовне, кроме ближайшего круга сотрудников, приняли заботливое участие Катрин [Кемпбелл], Инге [Фриче], Зейдель, Дон... [56]. Является вопрос, а где же были, за все это время, русские. Почему это Имя Преподобного Сергия должны были прославлять иностранцы. Русские же в виде Шнарковского, Москова [57] и некоторых других лишь пытались вносить те или иные затруднения, совершенно забывая, что тем они умаляют имя Святого Сергия. Как бы ни объяснять этот факт, он все же остается

в истории учреждений и вообще в истории Культуры весьма занимательным. Если бы не сочувствие покойного митрополита Платона [24], то, кто знает, может быть, и духовенство проявило бы лишь препятствия.

Сибирское общество [58] тоже как-то совершенно не приблизилось к часовне, которая могла бы быть местом сердечного единения. Ведь никому не запрещалось о часовне позаботиться. Также характерно, что из Завадских лишь Нина [59] утвердила в себе прочные формулы. Надеюсь, что вы выдаетесь с нею. Всякие такие факты очень характерны и объясняют многое.

Весь день продолжался сильный песочный буран. Одну юрту снесло. Другую, несмотря на укрепленное основание, значительно подвинуло. Из прошлых экспедиций вспоминаю такие же бураны в китайском Туркестане.

23 апреля. Хотелось бы хоть издалека услышать какую-либо метерлинковскую песнь. Все равно, в какой именно стране раздаются хорошие поэтические песни. За последнее время нам приходилось слышать вой и рычание всяких Родзаевских, Ивановых, Голицыных. Конечно, этот вой не страшен. Часто именно как противовес вою в природе раздается какая-либо хорошая песнь. Такие поэты, как Метерлинк, со всем его героическим укладом, могут давать отличные задания, а кроме того, их талант может проникать в сердца самых различных народов. Особенно ценно, когда именно среди различных народов раздается такая мощная объединяющая песнь. Отсюда нам, конечно, трудно судить, образуются ли такие поэтические кружки, преданные Метерлинку, или Тагору, или другим выдающимся поэтам. Знаю, как многие из вас чтут Метерлинка и его глубокие суждения, и потому буду рад слышать, как именно в разных странах народы в лице своих хороших представителей отзываются на истинную поэзию.

Очевидно, до отправки этой почты мы не сумеем получить почту из Калгана, в которой должны быть сведения о 15 апреля. Если бы эти почты встретились, мы попытаемся написать вам еще дополнительно...

Верстах в трех от нашего места, кажется, найден расколовшийся метеор. Будет снята фотография, а также отколоты некоторые куски. Ведь Светик [С.Н. Рерих] всегда интересовался этими особыми сочетаниями металлов. Надеемся, что нездоровье Елены Ивановны прошло, а также и в Нью-Йорке все здоровы и преуспевают. Шлем бодрые мысли.

24 апреля. Опять сильный буран при ясном небе. Очевидно, минувшая мягкая зима сейчас возмещается беспокойною весною.

Сегодня ждем почту, а также нашего посланца в ставку. 24-го всегда совпадает что-либо значительное.

Сегодня чем-то заболел Грибановский. Трудно сказать, лежит ли в основе нечто желудочное, но мы скорее склонны к признакам грудной жабы или, во всяком случае, чему-то сердечному. Он просил впрыснуть морфий, но мы опасаемся такого воздействия. Дали строфант. Все мы с удивлением вспоминаем, что в Пекине мы несколько раз направляли его в Рокфеллеровский Институт на освидетельствование, но он под всякими предложениями укло-

нялся. Конечно, для всякой сердечной деятельности нужно последить за качеством мысли.

26 апреля. В ночь ударил сильный мороз — даже часы мои остановились, и это мне очень напомнило наше тибетское стояние. Выпал неожиданный снег. Продолжается резкий северный ветер. Очень сурово. Хуже всего то, что от резкого мороза померзла первая весенняя трава и первые цветы. А ведь теперь это обстоятельство так важно.

У Грибановского пульс продолжает быть 120, и выглядит он очень темно. Трудно решить, что делать. При его необычной для военного человека мнительности ему не говорят о пульсе, а между тем, после припадка грудной жабы такое состояние весьма чревато последствиями. Миссионер Эриксон в практике с грудной жабой вообще не встречался, да и вообще, кто может помочь в таком случае. Только что мы жалели, что не удалось переехать на новое место, но выходит, что наша остановка здесь прямое благодеяние, как по причине мороза, так и по болезни Грибановского. Здесь все-таки обжитое место. Сейчас я диктую в большом теплом бывшем монгольском храме. Кроме того, здесь есть очень толковая монгольская прислуга Ларсенов, и это тоже помогает. В юрте, при зажженных свечках, у нас было три градуса тепла.

27 апреля. Вчера вечером приехал Ларсен. Хотя он и проезжал ставку, но для нас никаких новых сведений не привез. Также и о бурятских конях, купленных нами, ни слуху ни духу. Этот эпизод становится тем более странным, что лицо, продавшее коней, всем известно и по положению своему никуда исчезнуть не может. Конечно, и такой день, как сегодня, хорошо пробыть в обжитом месте. Ветер продолжается, хотя мороз полегчал и вместо десяти градусов вчерашних сегодня, в то же время, пять градусов. И в юрте было теплее. Будем надеяться, что замерзшие травы или отойдут, или будущее тепло принесет новые. Ведь рано или поздно тепло должно начаться. Видимо, май все-таки придется встретить в шубе. Это очень обидно, ибо некоторые цветы уже распускались, а теперь эта работа опять будет задержана.

В будущую среду, наверное, уже получим сведения о 15-ом апреля. Это даст мне возможность некоторых дальнейших соответственных движений. Ведь многое зависит от того, как именно и что именно было. Могло быть и очень хорошо, но с какой-нибудь неожиданной стороны.

Припадок Грибановского прошел. Но все же остается большая дилемма, ибо как же будет подверженный такой болезни человек вскакивать и слезать с лошади или быть у горячей аргальной печки. Кроме того, не думаю, чтобы он и воздержался от курения или раздражающей пищи. Несмотря на то что он, казалось бы, военный человек, он не любит кашу и весь устремлен к мясу, а это, Вы знаете, не помогает. Обстоятельства покажут дальнейшее.

28 апреля. Воскресенье. Сегодня Пасха по старому стилю. У нас есть куличи и даже очень изысканно обработанный торт, со всякими на нем

узорами. Понемногу теплеет, но все еще далеко до уже бывшего тепла. Является вопрос, не купить ли нам от Ларсена его машину. Для подвижности здесь это прямо необходимо, и даже монголы имеют свои автомобили. Курьезнее всего, что эту машину мы уже однажды видели в Монголии, — в свое время она была куплена Перси Френч, которую мы видели в Харбине. Это «додж» хорошего старого выпуска, и говорят, что машина прошла всего 15 тысяч миль. Кажется, цена выйдет в две тысячи местных долларов. Конечно, новый «додж» стоил бы здесь шесть тысяч. Прежде покупки вполне рассмотрим его, ибо наш Миша Чувствин испытанный шофер. Машину ожидают сюда сегодня, и тогда поговорим. Для ботанических экскурсий по здешним равнинам машина совершенно необходима. Конечно, будем покупать ее не на экспедиционные деньги, ибо такие способы передвижения недоступны казначейскому мышлению. Курьезно, что это мышление протестует даже против палатки и непромокаемых сапог. Впрочем, казначеям и бухгалтерам редко приходится выезжать из городов. Как же без палаток существовать в пустыне. Как же при сезонных дождях не иметь обуви. Даже с санитарной точки зрения это недопустимо.

Хочется двигаться дальше, хочется, чтобы для трав потеплело.

29 апреля. В тяньцзиньской газете «Нордс американ стар» была телеграмма о подписании президентом Рузвельтом, с восемнадцатью странами, Пакта. Не сказано, какие именно страны. А будущая почта почему-то будет, как говорят, не в среду, а в пятницу — тем позднее что-нибудь узнаем. Чрезвычайно интересно получить список стран, ибо из этого можно будет судить о многих подкладках. Также интересно, участвует ли Китай, который уже, как нам вы писали, изъявлял готовность присоединиться.

Так или иначе, теперь нужно, не теряя времени, начать кампанию в разных, еще не присоединившихся странах для дальнейшего постепенного накопления подписей. Постепенное накопление подписей докажет и постепенность истинной культурности стран. Поучительно, кто окажется наиболее не берегущим свои культурные ценности. В данном случае мы встречаемся с большим испытанием мировой психологии. Во всяком случае, нужно отдать справедливость, что начало ратификаций более успешно, нежели при начале Красного Креста... Очень рад, что президент Рузвельт, сам лично, приобщился к заботе о Культуре.

У нас пока нового нет. Машина Ларсена еще не пришла, и мы ее не могли исследовать. Без машины же здесь невозможно никакое передвижение.

Вам всем надлежит произвести многие соответственные исследования, кто именно, кроме «тигров» и «обезьян», в числе противодействующих охранению культурных ценностей. В этом смысле всякие наши иностранные общества должны оказать свое содействие. Им всем прекрасное испытание в их боеспособности за Культуру. И так, камень за камнем, складывается храм Культуры. Помните, как тяжелы были стальные колонны нашего учреждения. Да и построение пирамид было не легким.

У нас понемногу теплеет. Чувствуем необходимость дальнейшего переезда. Пульс Грибановского после приема дигиталиса 86, а между приемами опять 110. Конечно, это знак неважный.

1 мая. Машина Ларсена все еще не пришла. Сам он, видимо, очень ждет ее и не понимает причины задержки. Так как машина была недалеко от границы Халхи, то он даже смеется: «Не халхасцы ли ее захватили». Бурятские кони тоже все еще не пришли — ни слуху ни духу. Итак, мы остаемся пока без средств передвижения. Еще в Пекине являлась мысль о приобретении машины, но тогда мы побоялись такого большого расхода — ведь нужно быть очень экономными. Думали, что управимся конями. А теперь выяснилось, что — ни машины, ни коней. Конечно, мы могли бы сейчас же купить машину от миссионера Эриксона, но она пробежала уже 97000 миль — форд старого выпуска. Между тем, машина Ларсена, как он говорит, пробежала всего 15000. Хорошо еще, что неожиданный холод задержал всю растительность. Передайте Другу, какие бывают непреодолимые, непредвиденные обстоятельства. Много чего бывает!

2 мая. Цаган Куре. Машина Ларсена наконец-то пришла. Наш Чувстин, опытный шофер, ее осматривает. Если она окажется хорошей (прошла всего 15 тысяч миль) и нам удастся ее купить — это будет очень хорошо, ибо даст подвижность. Конечно, все Эндрюсы, Свены Гедины и Латиморы в этом смысле вполне оборудованы.

Жалею, что пошлем эту почту, еще не получив вашей, в которой, наверно, будет что-либо о 15-ом апреля. Вообще теперь почта еще более будет расходиться в пути, и это приходится принять во внимание. Очень надеюсь, что у вас все ладно. Листы дневника при случае рассылайте по прессе и по тем нашим обществам, где они наиболее нужны. Шлем сердечный привет. Погода теплеет.

7 мая. Опять был сильный ветер с бураном. Пришлось посидеть взаперти, ибо в таком море песка невозможно отлучаться. Даже четыре военные японские машины, зачем-то опять шедшие в ставку, двигались очень медленно, ибо дорога была занесена песком.

Записной лист «Продвижение» не только пригодится для печати, но и может быть кое-где цитирован. Следует всячески подчеркивать, что мнения делегатов тех правительств, [которые] еще не подписали, являются решительным шагом, ибо эти делегаты, приветствуя Пакт, как бы взяли на себя обязательство всячески рекомендовать его своему правительству...

9 мая. Цаган Куре. Очень жаркий день. Ездили в ставку к князю. Сам он находится в Батухалке. Заместитель амбана встречает нас словами: «Когда к нам переезжаете». Мы отвечаем: тогда, когда вы юрты поставите. Представитель Панчена предлагает нам переехать в дом, данный Панчену. Провели очень долгое время в разных разговорах. Особенно жаль, что нет сведений о буряте, который так нужен для разговоров. В результате послали из местной радиостанции две телеграммы в Батухалку о письме из Америки, требующем

немедленного ответа. Вернулись к 8-ми вечера; машина шла хорошо. Очень удачно, что Миша Чувствин отличный шофер. Вообще он очень славный человек.

10 мая. Чем-то болеют коровы у Ларсена, и потому мы отставили местное молоко. Наверное, Франсис [Грант] заинтересуется Записным листом «Монголия». Кроме того, Юрий [Рерих] непременно пришлет директору «Пресса» и свою статью. Ведь здешними краями так интересуются. День теплый, но сильный ветер опять угрожает бураном.

12 мая. Эриксон в рейтеровской телеграмме не признал нашего Пакта. Встречает меня словами: «Вот и в Америке что-то делается в той же линии, как Вы делаете». Вероятно, и во многих других местах будут такие же недоразумения.

Из Индии нас спрашиваете, храбра ли наша собака Нухор. Он у нас феномен. Прежде мы слыхивали о волке в овечьей шкуре, а теперь у нас чудо — овца в волчьей шкуре. Даже мух боится. А когда вчера на него пошел жук, то страху было на целый вечер. Будем надеяться, что подрастет и поумнеет. Многие вещи очень медленны, но берем вещи так, как они есть. Никакими искусственными силами вы не обратите течение вспять.

Из копий прилагаемых писем вы видите некоторые мои соображения. Если книга Всеволода Иванова будет закончена так же, как она началась, то получится очень полезное издание. Нам будет принадлежать триста экземпляров, часть из которых, конечно, придется дать как в наши общества, так и добрым друзьям. Будет очень забавно, если в Харбине эта книга будет пропущена цензурой, тогда как «Священный Дозор» до сих пор без движения. Как видите из копий моих писем, я запрашиваю точную формулу причин запрещения книги. При случае можете о том же спросить В.К. [Рериха]...

13 мая. Цаган Куре. У нас всё новости. С утра настоящая вьюга. Снег и ветер. Вчера проехала экспедиция японская от агрикультурного Департамента в Дайрене. Даже наша здешняя хозяйка — Ларсен пришла в удивление о количестве ботанических и агрономических экспедиций. В японской экспедиции около 20 человек участников. Во главе агроном, затем геолог, журналист и т.п. Все это очень удивительно. Где мед, там и мухи.

Сегодня Эриксон поехал в Пекин и обещал там навести справки о пропавшем буряте. Любопытно, как эта вьюга отзовется на траве и цветах. Может быть, здесь не только сухостойкость, но и снегостойкость.

14 мая. После переменного дня снега и града опять солнце. Но на горах еще снег остается. До мороза, по-видимому, не дошло, и будем надеяться, никакого вреда для трав не случилось.

Даже при нашем навыке к местным промедлениям некая медлительность кажется совершенно необъяснимой и, во всяком случае, даже раздражающей. Конечно, при наличии машины мы не чувствуем себя уже окончательно стесненными. Но куда могли деваться лошади и буряты и почему

письма и телеграммы без ответа. Ведь эти люди отлично знают, что убежать они никуда не могут и рано или поздно им придется дать ответ.

Вчера мимо нас прошло четыре японских машины. За это время мы их заметили уже много. Где мед, там и мухи.

Все еще вожусь с раздражением горла. По виду — ничего особенного, но какое-то раздражение беспричинно вызывает откашливание. Смазываю и полощу.

Прилагаю значительные слова Муссолини о культуре. Пожалуйста, вклейте их после черты в конец статьи «Симфония жизни». Этими словами статья и закончится. Между прочим, не мешало бы эту статью в итальянском переводе дать итальянскому послу для соответственной прессы. Муссолини сказал эти значительные слова, должен бы не опоздать с Пактом.

19 мая. Вчера вечером приехал неожиданно Ларсен с каким-то американцем из Манилы. Наши ездившие в ставку не привезли никаких особых новостей, кроме того что приехавший с ними маленький чиновник из ставки предлагал нам для базы еще один монастырь, но, к сожалению, еще более удаленный. Будем рады, когда всякие сложности кончатся. В ставке японский доктор спрашивал нашего кукунорца.

Слышим, что через два-три дня Ларсен едет в Батухалку. Вероятно, и мы поедем с ним одновременно, ибо все равно в тех местах побывать придется. Очень жалели, что вчера Ларсен привез только газеты, никаких писем, а по времени могли быть письма из Индии, а также от Луиса [Хорша] и Эстер [Лихтман] [60].

21 мая. Цаган Куре. Прилагаю исправленное вступление к книге «Да процветут пустыни» (150 Записных листов). Таким образом ряд статей, бывших до Пекина, мог бы впоследствии войти, когда соберется дополненный «Священный Дозор». Сейчас о нем не будем думать, ибо даже не можем до сих пор добиться точной формулы запрета. А ведь для будущего издания очень важно будет отметить причину запрета в Харбине. Когда закончите перевод 150 листов для X-го тома «Да процветут пустыни», тогда и покажете издателям для английского издания. В этой почте идет 150-й лист. Все последующие, от 151-го, вряд ли могут войти в ту же книгу, иначе она будет чересчур объемиста.

Мы надеялись отослать почту уже вчера, но предположенная Ларсеном поездка не состоялась — значит, и почта пойдет в обычный срок. Мы надеемся выехать в Батухалку в ближайший четверг. Поездка должна взять три или четыре дня. Езды на машине часов 12, а затем день или два на самую Батухалку. Пора двигаться. Приезжий из Манилы оказался немецким доктором Хассельманом — беседовали с ним.

25 мая. Последнее письмо Луиса [Хорша] было от 12 апреля. В нем еще не было сообщений о самой процедуре подписания и о действиях Постоянного Комитета. Как вы уже знаете из моих Записных листов — Постоянный Комитет, после подписания Пакта, наверное, проявит большую деятельность. Если Комитет именно в это время окажется бездеятельным, то это

может дать созреть всяким злоумышлениям. Не забудем, что всякие колеманы и разные директора музеев могут заподозрить, что нечто делается без них, и могут начать всякие злоумышления. Кроме того, раз сам президент [Рузвельт] принимал участие в подписании, то ему надлежало бы утвердить и состав Постоянного Комитета, тем самым укрепилось бы значение этого учреждения уже как государственного. Это было бы тем удачнее, что Постоянный Комитет не исключал бы существования и всех прочих общественных комитетов, которые являлись бы полезными для него органами. Во всяком случае, для Постоянного Комитета сейчас настало время больших возможностей. Как я уже и писал, после подписания Пакта, наверное, состав Комитета был соответственно увеличен разными полезными людьми, как художественными деятелями, так и дипломатами.

Каким образом были переданы главам стран Знаки Музея [61]? Во всяком случае, Пакт вошел в такую большую новую фазу, что это повлечет за собою всякие произрастания. Надеюсь, что официальное извещение с приглашением присоединиться теперь действительно послано всем правительствам. Интересно бы знать полный текст этого извещения, который будет полезен для архива Постоянного Комитета. Будем надеяться, что в составе этого текста не будет отзвучков рейтеровской телеграммы, которая, как мы все время убеждаемся, ввела множество людей в заблуждение. Очень поучительно, как доктор Кевенс благородно реагировал на это обстоятельство. Вполне ли понимает положение вещей наш Друг. Участие его в Постоянном Комитете дает ему такие возможности, которые он будет в состоянии использовать в ближайшем для него будущем...

28 мая. Ездили в очередную поездку. Между прочим, видели живописный монастырь Шара Мурен. Думаем, что в течение лета недели две постоим около него, ибо любопытно понаблюдать растительность и около реки. Говорят, что геген этого монастыря прекрасный человек — будет полезно и с ним познакомиться.

Сегодня утром получили почту. Письмо от Елены Ивановны от 3 мая и письмо от Зины [Лихтман] от 18 апреля, а также письмо от В.Н. Грамматчикова и В.К. [Рериха], со вложением второй части поклепов «Харбинского Времени» на Гребенщикова [62]. Конечно, можно лишь поздравить Гребенщикова с тем, что такая отъявленная шайка не признаёт его отличную книгу «Гонец» [63]. Было бы гораздо печальнее, если бы «Харбинское Время» вдруг оповестило, что Гребенщиков является выразителем этой газеты — мерзость которой «благоухает» в каждой ее странице. Сейчас в особенности нужно понять, что всякая похвала со стороны негодяев была бы лишь самым ужасным и нестираемым доказательством. Прочтите Г.Д. [Гребенщикову] эти мои слова и скажите, что, хотя и в цитатах «Харбинского Времени», мы были рады еще раз прочесть из книги «Гонец» такие прекрасные суждения. Конечно, отвечать на этот пёсий лай совершенно невозможно, ибо это значило бы войти в сношения с преступной шайкой. Ведь не забудем, что Голицын формально уличен в злоупотреблении чеками, а также в похищении детей

Кулаева [63]. А ведь это только один образчик «Харбинского Времени». Конечно, каждый порядочный человек, прочтя цитаты из книги «Гонец», должен захотеть немедленно прочесть и всю книгу, если он еще ее не читал.

Благодарю Зину за присылку вырезок из газет и за ее подробное описание церемонии в Белом Доме. Речь президента Рузвельта я приведу в одном из моих Записных листов, ибо в ней выражена очень глубокая идея, вполне отвечающая нашей идее Знамени Мира. Итак, и секретарь Холл [65] уже произнес наши формулы. Замечательно наблюдать, как эти формулы совершенно различными путями, но все же доходят до сознания. В статье «Америкэн» напрасно они поминают меня умершим. В их же собственной редакции имеются наши друзья, которые отлично знают о том, что я существую. Следует им об этом напомнить, чтобы газета не вводила в заблуждение своих многочисленных читателей. Мы убеждены, что теперь Белый Дом официально оповестит все правительства о подписании и предложит им присоединиться...

У нас теплеет, и травы поднимаются. Мы очень рады были получить в сегодняшней почте одобрение от Департамента нашим сборам. Надеемся, что и конечные результаты этого сезона будут удовлетворительные...

Вы, из всех моих и Юрия последних сообщений, знаете сведения о Канзасе, а также знаете, что этого культурного построения нельзя избежать. Оно стоит по пути. Не будем делать никаких врагов и в то же время ускорим все поступательные движения. Вероятно, наступит и такой момент, когда наш Друг будет в состоянии наемкнуть своему Главе о значении культурных дел. Вероятно, этот момент наступит, и Елена Ивановна будет его ждать...

30 мая. Цаган Куре. Вчера к нам подошел грузовик, полный людей. Приехали представитель чахарского губернатора, один из министров монгольского правительства и секретарь их собрания. Была интересная беседа. Я получил от китайского представителя губернатора красивые четки. Вообще визит был очень благоприятный. Затем представитель губернатора и монгольский министр уехали с солдатами и сопровождающими на Калган. Секретаря собрания на нашей машине отвезли в недалеко лежащую от нас английскую миссию. Оказывается, там немало монголов, отлично говорящих по-английски.

В почте имеются сведения о Канзасе. Чтобы напомнить себе границы штатов, беру карту и убеждаюсь, что граница штата, где Канзас, необыкновенно знаменательна. Советую Вам точно ознакомиться с границами штатов.

Сейчас наши осматривают грузовик «форд» из экспедиции Гедина. Не будет ли он теми самыми символическими верблюдами Гедина, о которых когда-то Юрий слышал.

Вечером слушали радио, имеющееся на этом грузовике. За полтора часа лишь откуда-то прозвучал кусочек «Лоенгрин», остальное же все была какая-то ресторанный фокстротная чепуха. Чем засоряются пространства!..

31 мая. Опять ветер. Если за все время от марта было два-три дня безветренных, то это уже много. Ветер и пыль довольно неприятны. Сейчас

будем делать перекладку наших вещей, ибо часть останется в юрте у Ларсена, а мы будем иметь с собой более подвижной состав.

Уже третий день не можем отправить нашу почту, потому что почтальон почему-то не появился. Таким путем происходят нежелательные задержки. Грузовик из экспедиции Гедина не пришлось купить, ибо многие внутренние части оказались изношенными. Может быть, удастся купить из Пекина.

Вчера мы обратили внимание на то, что, очевидно, ни в одной харбинской газете не появилось сведения о подписании Пакта. Это обстоятельство тем характернее, что рейтеровская телеграмма, конечно, была механически разослана всюду. Значит, цензура эту телеграмму вообще не пропустила. Все это показывает, что кроме злоумышлений русской шайки, несомненно, есть обдуманнные действия хозяев.

Во время писания дневника пришла почта... Присланные газетные вырезки очень хороши — вероятно, подобные же сообщения обойдут и все другие страны. Рад слышать, что даже несмотря на труднейшие времена, наше издательство выпустит три книги [66]. Действительно, времена всюду представляются наитруднейшими, тем более надо дружными усилиями перескочить в будущее.

Относительно Канзаса, в предыдущих письмах вы уже нашли некоторые сообщения. Могу добавить к ним, что цифра обеспечения приблизительно одинакова за пять лет. Очень рад слышать, что вы все, и наш Друг, понимаете внутреннее значение этого культурного дела. При случае прошу передать Галахаду, чтобы он сообщил президенту [Рузвельту] мой самый душевный привет и поздравление за его просвещенное вдохновенное слово при подписании Пакта. Если я получу от них привет, я отвечу телеграфно. Такие вещи пусть себе проходят через все телеграфы, и пусть всякие темные их читают себе на пользу. Очень много писем, а в особенности все из Харбина, приходят в поврежденных конвертах. Примем и это во внимание.

Итак, твердо и отважно — в будущее, чтобы ничто из прошедшего не мешало новым прекрасным построениям...

2 июня. Цаган Куре. Вихрь и вьюга. Три градуса по Реомюру. Вот так второе июня. Неужели травы выдержат и такое испытание. Когда читаешь о снеге в Париже, о наводнениях и черных бурях в Америке, о всех таких неожиданностях небывалых, — удивляешься, что люди внутренне не придают значения таким явным действиям.

Читали в газетах, что эрмитажные сокровища из России не будут более распродаваться, а Софийский собор в Киеве не будет разрушен. Оба эти сведения совпадают с подписанием Пакта и, наверное, имеют внутреннее отношение к нему. Конечно, некто в этом не сознается, но имейте в виду, что эти газетные сведения именно совпали с подписанием Пакта и со всеми нашими, о таких делах, призывами и протестами...

4 июня. Погода опять наладилась — потеплело. Ждем лишь грузовик, чтобы подвинуться. Вчера приезжал Эрикссон, сообщивший, что князь Дефан

три дня тому назад проехал в Нанкин. Является вопрос, когда он оттуда вернется. Также Эриксон сообщил, что дня три-четыре тому назад в этой местности летали японские аэропланы. Правда, и мы тогда же слышали как бы шум машины, но, помнится, смотрели не в ту сторону. Также Эриксон сообщил, что японцы устроили недалеко еще один медицинский пункт.

Держим наготове это письмо к отправке, ибо один монгол собирался, сегодня или завтра, ехать в Джапсер, где почта. Для ускорения пользуемся каждой возможностью. Наверное, в следующей почте будут еще разные ваши соображения о Пакте, а может быть, и о Канзасе. Во многих отношениях продолжаем учиться терпению. Сколько бы ни постигать терпение и терпимость, но всякое упражнение в этих качествах всегда полезно...

Пусть Владимир Анатольевич [Шибаяев] сообщит журналу «Туенти Сенчури» мой отзыв об этом издании: «В нашу пустыню дошел пока лишь один номер журнала «Туенти Сенчури». Среди других полученных изданий этот журнал производит самое живое впечатление. Содержание его и разнообразно, и высоко интеллигентно. Участие в нем испытанных авторитетов дает убедительность, а широкие взгляды, выраженные в разных областях, дают возможность и справедливого, и углубленного обзора. Есть большая потребность в изданиях такого порядка. Журнал может не только радовать высокий интеллект, но и питать самые широкие круги. Мне уже не раз приходилось высказывать свое восхищение перед большим количеством философских и интеллектуальных изданий в Индии. Древняя глубокая мысль, давшая столько прекраснейших образов и решений, продолжает жить. Вспоминая об Индии, невольно переносишься на прекрасный цветочный луг, где собраны лучшие образцы ума и воображения человеческого. Из Монгольских пустынь шлю привет дорогой Индии»...

5 июня. В сорока милях от Батухалки в горах имеются леса, а в десяти милях — трава у реки. Собираемся непременно посетить эти места, как говорят, еще не посещенные европейцами. Будет очень полезно наблюсти те травы, а также лес и подлесье. Может быть, получатся интересные семена.

Вчера Юрий отписывался в Департамент по поводу того, что тибетские медицинские книги, посланные в Департамент, не приняты ревизионною частью. В то же время Брессман [67] хвалил медицинскую коллекцию, уже дошедшую. На этой коллекции можно видеть тибетские надписи и перевод их. Спрашивается, каким же способом можно бы обойтись без медицинских тибетских книг, чтобы сохранить верность наименований. Книги же посланы в Департамент как собственность Департамента. Было бы совершенно нелепо, если бы медицинские, а также книги местные по флоре, посланные в Департамент, должны были бы быть оплачены из частных сумм. Наверное, ревизионная часть имеет малое касание к науке, и все это, конечно, выяснится, но такие мелочи, к сожалению, лишь засоряют внимание...

6 июня. ...Думаем, что приближается время, когда Галахад может найти момент, чтобы утвердить культурное значение дел. Когда так много

всяких измышлений и подкопов, то и такой момент — во благо — должен наступить. Не буду повторять, что ему самому такое обстоятельство не только полезно, но может явиться государственно превосходным. При случае скажите Галахаду, насколько я о нем сердечно думаю и как рад был слышать его прекрасные слова. Вполне понимаю, почему именно был указан Москов [57]. Благодаря этой работе он приблизился и утвердился. Хочется, чтобы руководимый им Русский институт искал бы еще новые возможности и расширялся. Мой лист дневника «Летопись Искусства» мог бы служить напоминанием, что в таком институте могут быть производимы и большие исторические работы. Как ни странно, но иногда находятся издатели именно на такие обширные труды, которые являются достоянием библиотек и учебных заведений. Следует наполнять все окружающее новыми возможностями. Только в этом обновлении и еще большем расширении пути и есть справедливое решение.

7 июня. Никогда еще в июне мне не приходилось носить свитер и коричневое теплое пальто с вязаным шарфом. Конечно, дело не столько в самой температуре, сколько в ветрах.

Не могу не остановиться на эпизоде приезда Очирова. Мы уехали из Пекина на том, что он через неделю последует за нами и мы найдем уже на месте нанятых слуг и купленных лошадей. С тех пор до вчерашнего дня все это совершенно провалилось, и мы были в большом затруднении, тем более что на наши письма ответов не получалось. Наконец мы решили сделать энергичный формальный запрос, о чем в ближайшей почте и послали письмо в Пекин. Не успело это письмо даже тронуться в Пекин, как неожиданно на моторе прикатил Очиров, уверявший, что коней наших не пропускали местные монголы. Через два часа по приезде Очиров тронулся к своему хошуну, но не успел он проехать и одной версты, как увидел спускающегося с холма своего бурята с двумя конями. Оказалось, что кони, с противоположной стороны, подходят. Нельзя себе представить ничего более неожиданного, как чтобы после двух с половиной месяцев ожидания Очиров с одной стороны, а буряты с противоположной, случайно встретились бы в версте от нас, на наших глазах. Именно так неожиданно происходят всякие дела.

Характерно, что Очиров еще в Пекине слышал рассказ от одного хутухты, что я, охраняемый вооруженными бурятами, не принял визита местного князя. Рассказ очень длинный, с разными подробностями, по фантастичности напоминающий Майн-Рида, не имеет в себе ни доли правды. Любопытно, что не только сочинена небывалая история, но измышлена со всевозможными, как бы убедительными подробностями. Если такие небывалости существуют в пространстве, то можно предположить, сколько и всяких иных слухов циркулирует.

По поводу о программах некоторых наших учреждений ясно вижу, что для скорейшего процветания нужно бывшие задачи еще более расширять и покрывать обширнейшим куполом. Удивительно наблюдать, как в жизни или нечто увеличивается, или уменьшается. Победоносный момент с подписанием

Пакта как бы сам собою предполагает еще целый ряд победоноснейших моментов, к которым и нужно стремиться. Конечно, развитие и упрочение последствий Пакта уже представляет из себя огромное культурное начинание.

Вы писали, что Галахад посылает мне привет от президента [Рузвельта]. Как только получу его, немедленно же, со своей стороны, отвечу.

8 июня. Проезжали два ламы, спрашивали о разбойниках. Сейчас поблизости разбойников не слышно, но вопрос лам был не без оснований. Еще в прошлом году большая банда не дошла до этих мест всего пять верст. Между прочим, тогда была уничтожена в 30 верстах шведская миссия.

Наш пекинский корреспондент сообщает: «Рад услышать, что все разговоры о Ваших каких-то затруднениях — досужая сплетня «доброжелателей», которыми, само собою разумеется, хоть пруд пруди. В Харбине танец смерти. Островитяне закусили удила и создали там такие условия жизни и работы, что возопили даже экстерриториальные. Пресловутая политика Открытых Дверей в Маньчжурии сохраняется в неприкосновенности, как заявляет японская газета, но только для государств, признающих Маньчжуди-Го. Что сей сон значит — понять, конечно, нетрудно. Двери-то открыты, но только в сторону Японии. Ваш «Дозор», по всем имеющимся у меня сведениям, не выйдет. Рясофорным жандармам из «Дома Милосердия», открестившимся от всех Ваших начинаний без всякого для того удобного случая, нужно сейчас делать вид людей, вовлеченных в крайне невыгодную сделку... скажем, со своей совестью, если таковая у них еще имеется».

Вот вам «столб и утверждение всех харбинских истин». Так сообщается от 29-го мая. Хорошенькие дела творятся...

Пусть Морис [Лихтман] [68] выпишет в одну тетрадь все касающееся Канзаса, бывшее и в письмах, и в телеграммах, и в дневниках, начиная с декабря. Когда сложатся воедино все эти сведения, то вы увидите, что их было совсем не так мало. По обстоятельствам времени они носили разрозненный характер, но [если прочесть] их все соединенными, получится совсем другая картина...

11 июня. Вчера, во время ботанической поездки, наткнулись и на старинные могилы. Вообще какое-то давно жилое место.

К вечеру получили записку от секретаря Совета в Батухалке, просившего прислать ему машину. Такие любезности приходится делать, и сегодня утром его повезли от нас в ставку. Опять слышали кое-какие легенды. Видимо, он знает о культурных начинаниях, о школе. Вообще, как только приедет грузовик, нам немедленно надо продвинуться в этом направлении...

16 июня. Грузовик все еще не пришел, а между тем погода хороша и хочется продвинуться в другие районы. Опасаемся также, что мобилизация местных войск может мешать доставке грузовика. Ведь грузовики в таких обстоятельствах прежде всего конфискуются. Вообще всё наполнено такими

обстоятельствами, которые никак не предусмотреть. Каждый день какие-то газетные сенсации, а ведь до нас газеты доходят через две недели. Впрочем, как всегда, местные слухи довольно точно, хотя и своеобразно, опережают газеты. Уже много раз я удивлялся этой быстроте передачи в Азии. Последняя газета была от 9 июня, полная всяких сенсаций, как местных, так и о Франции, и об Америке. Никогда еще не бывало, чтобы такой ответственный подсчет голов, как случилось во Франции, оказался бы ошибочным. Это какие-то знаки времени. В Америке, видимо, тоже чрезвычайно напряженно. Может быть, среди напряженности вспомнят и о культурных возможностях Канзаса.

В одной из присланных вами газет было подчеркнуто, что единодушие подписания Пакта произошло потому, что это была частная инициатива. Может быть, люди поймут, что и другая частная инициатива может быть так полезной в государственном смысле. Да, будущее приближается. Многие так мечтали о будущем. Пусть же они почувствуют себя как дома среди этого будущего, несмотря на всю его сложность. Посмотрите, чтобы среди друзей не было падений как раз на пороге будущего. Эти пороги вообще в жизни человеческой полны всяких значений.

18 июня. Вчера приехал Теляпагеген, который в прежнее время играл в Урге большую роль. Уехал он лишь сегодня утром, и мы имели с ним продолжительные беседы. Он говорит на халхаском монгольском наречии, потому Юрию особенно легко с ним беседовать. Кроме того, как бывший министр старого Богдогегена [69], он не только знает о России, но и знает мое положение. Во время беседы выяснилось много любопытного. В местных аилах немедленно распространилось известие, что приехал почитаемый геген, и началось появление многих пилигримов, разодевшихся по этому поводу. Лишний раз пришлось убедиться, наблюдая всех этих пришедших, что легенды о 90% сифилисе в Монголии несомненный вымысел. Столько видно здоровых лиц, что они не могут составлять лишь 10% населения.

По местным сведениям, китайские войска выходят из Пекина и Тяньцзиня на юг. Трудно решить, есть ли это замирение или же демилитаризация всего северного Китая. Впрочем, указывается, что в Тяньцзинь уже прибыло 30 военных японских аэропланов — сведение, как будто, не совсем мирное.

Вчерашний день закончился немирным эпизодом с бешеной собакой. Приехавший монгол сообщил, что в соседней миссии сбесилась собака и по аилам бегаёт в нашем направлении. Вскоре появились всадники монголы с шестами, а затем показалась и сама черная собака. В конце концов ее пристрелили около нашего места, причем она успела покусать двух ларсеновских собак. Вероятно, и их придется пристрелить. Кроме того, как видно было в бинокль, бешеная собака дралась с собаками соседнего аила. Итак, и в этом отношении приходится быть осторожными.

Слышно, что наш грузовик задержался вследствие мобилизации войск.

21 июня. Спешим с укладкой. Чем скорее выехать — тем лучше. Эриксон рассказывает, что по пути он встретил князя с семьей и четырьмя

груженными машинами. Очевидно, поездка вглубь. У миссионеров есть опасение, что калганские войска — китайские, которых там 70 тысяч, — после чего-нибудь могут шайками разойтись по местности. А впрочем, никто ничего толком не знает, да и откуда же знать.

Из нашего нового стана мы будем дней через десять посылать за почтой. Если же удобнее будет перевести почту вообще по другой дороге, мы вам, при первой возможности, телеграфируем адрес...

Оказалось, что у нас нет маленького моторного американского флага. Может быть, у Эриксона сошьют.

Шлем вам лучшие приветы, бодрость и спешность во всех делах...

22 июня. Вчера приходил местный бродячий певец с оригинальным инструментом *тамару*. Спел несколько своеобразно звучащих песен, а затем так же спокойно заявил, что он, в сущности, по профессии разбойник, а сейчас возвращается из паломничества в Утайшан. Это циничское заявление всех очень удивило.

Сейчас получена почта. Открытка от Эстер [Лихтман] и Луиса [Хорша] из Осло [70], а также длинное письмо от Зины со многими вложениями статей, с письмом Ростовцева. Очень радуюсь бодрому тону письма. Именно и среди мировых смятений нужно находить способы продолжать и развивать культурные дела. Всеми мерами надо находить возможности к их развитию.

Уже давно посылал вам список Записных листов от № 1 «Светочи», а теперь уже идет 183. Этого списка и следует придерживаться. Никаких разногласий в списке и не может быть, ибо этот список был послан в точных копиях и в Индию, и в Америку.

Возвращаюсь к вопросу о Канзасе. Теперь уже имеете имя и портрет лица подписывающего. Имеете и цифры гарантий. Уже знаете, что насколько справедливость потребует, настолько гарантии могут быть увеличены. Знаете срок займа и погашения его. Знаете, что часть припасов и машин может быть и от нью-йоркских фирм. Знаете, насколько Канзас спешит. Знаете, что цифры гарантий за пять лет существовали. Мне совершенно ясно, что когда вы точно выпишете на один лист решительно все бывшие сообщения, как из писем, так и статей, то увидите, что сведений дано очень много, лишь стоит их выписать последовательно, не пропуская. Конечно, я уверен, что эта выпись сведений и без того сделана, но все же мне хочется еще раз подчеркнуть, насколько много сведений разновременно было дано.

Теперь о другом, по поводу известного вам банковского письма. До сих пор мы не имели разъяснений, получилось ли оно через Луиса или Галахада. Также остается неизвестным, можно ли его рассматривать как серьезнейшее рассмотрение дела, или же это, как часто бывает, очередная банковская отписка. До разъяснения этих обстоятельств затрудняюсь дать ответ, который уже мог бы дать. Все мы знаем, насколько нужно быть осторожным с банком. Так часто они хотят выведать какие-то сведения, воспользоваться чьим-то

материалом, а затем применить это в свою пользу. Лицо, подписавшее бумагу, мне незнакомо, и я совершенно лишен возможности знать, насколько оно заслуживает полного доверия, а особенно в таком деле, где должны участвовать не только бизнес, но и большое сердечное понимание. Очень надеюсь, что в ближайших почтах, вероятно, будут по этому предмету разъяснения, и это подскажет мне, насколько именно доверчиво я могу ответить на известное вам письмо. Не сомневаюсь, что Галахад, с его широким пониманием, все чувствует и взвешивает. Передайте ему мой привет.

Грузовик наш уже нагружается — завтра передвигаемся. С почтовыми сношениями будет затруднительнее, но все же надеюсь, что внешние обстоятельства не прибавят в этом вопросе еще каких-то трудностей...

23 июня. Прекрасное утро. Выехали в 6 ч. В течение 14 часов добрались, с некоторым трудом, до Шара Мурена, т.е. преодолели 114 миль. Решили простоять около этого красивого монастыря целый день, а затем двинуться на Батухалку, ибо князь там. А нам тот район будет интересен. По дороге несколько раз наши грузовики застревали в руслах рек. День был очень жаркий. Здешнее место дало Эндрюсу много палеонтологических находок.

24 июня. Осматриваем монастырь и окрестные скалы. Как всегда, 24-е приносит какие-то знаки. В монастыре, среди росписей — несколько картин битвы Шамбалы. Над храмами — монограммы Калачакры. И уже нечто совсем особенное: в середине монастыря, на скалистом бугре — на каждом камне знак нашего Пакта. Мы его, конечно, фотографировали, но т.к. знаки сделаны синим, то я не убежден, как они выйдут на снимках. Во всяком случае, мы были поражены обилием именно этого знака, в виде трех соединенных сфер. Над входом в один из храмов также этот знак, но в виде трех фруктов с ростками, лежащих на столе.

День исключительно жаркий, так что в палатке вещи стали совсем горячими — вероятно, Светик [С.Н. Рерих] вспомнит нашу поездку мимо Гвалиора. По сбору растений день тоже удачный. Завтра едем в Батухалку.

25 июня. С некоторыми путевыми затруднениями — пески и речки — добрались до Батухалки. Большой монастырь, о котором местный американский миссионер уверяет, что там сильно развита черная магия. Монгольское правительство пока помещается в юртах, ибо в нескольких милях сейчас строится новая столица.

Пока остановились около миссионера Гонзелло, а затем подыщем более удобное место для лагеря. Здесь речка хотя и не близко, но все-таки не дальше мили от монастыря по течению. Устроив стоянку, к вечеру проехали к князю Девану (в газетах он пишется «тех», портрет его вы имеете). Дружественная беседа.

Ночью сильный ветер, а после полуночи и дождь.

27 июня. С некоторыми автомобильными трудностями переехали на новое место. Среди скал вулканического происхождения — отличная поляна с

хорошими вязами. Тут же русло пока сухой реки, но, вероятно, через месяц, в дождливое время, и здесь покажется вода. Пока что за водой приходится ездить на быке, что берет часа полтора времени.

День с утра даже холодный и ветреный, но к вечеру все успокоилось.

29 июня. Местная новость. Караван Таши-ламы с четырнадцатью тысячами винтовок, при следовании в Тибет, где-то в пределах Синина, разграблен или разбойниками, или дунганскими войсками генерала Ма. Во время нашей экспедиции мы имели дело с амбаном Мафусином, отцом нынешнего амбана сининского Ма. Тогда мы счастливо прошли через все их попытки. Остается странным, что такой большой караван Таши-ламы, с таким специальным грузом, сравнительно легко мог попасть в посторонние руки. Неужели такой караван не был сопровожден достаточно сильным конвоем...

30 июня. Ходили на Наран Обо. Высокий холм с белым субурганом. Оттуда открывается широкий вид на всю окрестность. Видна Батухалка, за нею небольшое взгорье, а там и Алашаньские пески. В западном направлении граница Халхи — всего в одном дне конного пути. По другую сторону — бесконечное море скал и холмов. Небольшие зеленые пятна вязовых рощ. В окрестности найдется немало и археологических памятников. Кроме древнего несторианского города, развалины которого от нас в тридцати верстах, на западе имеются какие-то развалины, называемые станом Чингиз-хана. Там же находится так называемая Плодовая гора, с лесными порослями. Непременно нужно побывать там, ибо в смысле растительности, как говорят местные жители, это место замечательно.

Получили от миссионера газету, от 22 июня. Надеемся, что, может быть, завтра уже дойдет и к нам почта из Калгана. Надеемся, но время слишком коротко. При переменах адресов всегда несколько дней выпадает.

Искали воду, ибо речка довольно далеко, да и довольно безводна. Наши объедут местность, говорят, что имеются какие-то колодцы и источники.

1 июля. Оказывается, скала, около которой мы стоим, называется Тимур Хада, т.е. Железная скала. Удивительно видеть, как по пути появляются давно известные имена и изображения. Вообще многое можно припомнить. Так например, еще в 22 году, в июне, была беседа о замене золота. Разве это теперь не произошло? Также потом все слова о серебре разве не были знаменательны, только теперь можно убедиться в этом. Замечательно, как всё можно найти, а оценить можно лишь сейчас. Сейчас же переведите статью «Наран Обо». Покажите ее кому следует, дайте в печать. Также покажите друзьям Канзаса, чтобы они видели, как я оцениваю каждое строение. В конце концов, лишь то строение крепко, которое делается ради созидания, а не ради временной случайной выгоды. История в том дает многие примеры. Надеюсь, что Морис [Лихтман] уже выписал воедино всё, о чем я просил, и таким образом для тех, кому нужно, получилась ясная картина.

Здесь интересуются, были ли переведены по-монгольски мои статьи о Монголии. Конечно, этого не было. Сейчас пробуем дать для перевода

«Наран Обо». Что получится — трудно сказать. Вот уже первое июля, но затяжной жары еще не было. Наоборот, по утрам свитер совершенно не лишней. Вчера бродили грозовые тучи, а сегодня небо безоблачное.

Отослали вчера двух бурят, из которых один оказался нехорошо больным, а другой глухим. Вместо них уже взят один бежавший из Халхи.

Конечно, почта наша еще не могла дойти, но местный миссионер Гонзелло любезно дает нам свою газету. От 23 июня мы прочли длинную статью о притеснениях, которым подвергается Христианский союз в Харбине. Заглавие статьи гласит: «Христианский союз обвинен во всех смертных грехах». Тут и антирелигиозное направление, и масонство, и космополитизм, — решительно все, что может придумать злоумышление, лишь бы разрушить все исходящее от Америки. Невозможно понять, почему именно такая ярость против всего американского. Конечно, в числе обвинителей опять проявляется пресловутый провокатор Родзаевский. В конце газета замечает, что, по-видимому, решено принять какие-то меры для прекращения полезной деятельности Союза. Эта антиамериканская кампания, с «Харбинским Временем» во главе, еще раз напоминает выпады этой же мерзостной газеты против нас. Конечно, гораздо лучше, чтобы эти темные элементы были враждебны, нежели оказались бы друзьями. Вот тогда было бы действительно прискорбно...

3 июля. Окрестные скалы мне все больше и больше напоминают Санта Фе или Урумчи, или даже Италию. Около Фаэнци были такие неожиданно причудливые очертания, увенчанные развалинами замков. Правда, здесь этих развалин нет, но зато много каких-то каменных сооружений, не то могил, не то пограничных знаков — ведь когда-то эти места были очень обитаемы.

Постепенно обследуется близлежащая местность. Интересно отметить, что местные кони держатся в хорошем теле на одних травах. Приписываю это вострецу и овсянке. Кроме того, вострецу отличается длинными корнями, очень полезными для удержания поверхностей. Скажите Другу это наблюдение.

Мысленно посвящаю Записной лист «Строитель» и Канзасу. Впрочем, эти мысли посылаются и всем нашим учреждениям. Тем из них, которым сейчас почему-либо трудно, можно советовать начинать новые отрасли строительства, хотя бы и в малых размерах. Как бы ни были сложны времена, но новые фазы строительства всегда возможны. Также всегда имеются новые люди — пусть им будут широко открыты входы.

11 июля. Вчера произошло два значительных эпизода. По приглашению д-ра Кианга и князя мы приехали на собрание, в котором д-р Кианг произнес свою речь монголам. В большой юрте, под председательством князя, собралось человек 70 монголов, разных служебных рангов. Д-р Кианг говорил очень хорошо и особенно много говорил об Америке, которую он так любит. Постоянно слышалось давно нам знакомое [«мэндэ»] (монгольский возглас одобрения). Затем, неожиданно для меня, князь просил сказать собранию. Конечно, в этих случаях нужно говорить очень осторожно. Главным образом я сосредоточился на похвале каждому благотворному строительству, а в част-

ности приветствовал построение новой монгольской столицы. Конечно, упомянул о движении «Новой жизни» Чан Кай Ши [71] и о письме его и Ташиламы, приветствовавших Знамя Мира. Присутствовавшие аплодировали. После этого князь пригласил нас на завтрак у него, перед которым через д-ра Кианга была значительная беседа об экономической реконструкции Монголии, в которой друзья Монголии могут с пользой, как для себя, так и для Монголии, участвовать. Беседа закончилась особенно дружелюбно, и мне показалось, что князь только теперь понял значение Пакта и Знамени Мира, о которых он очень тепло отзывался. Затем князь условился, что мы поедем на годовой монгольский праздник 12 июля в его машине с ним в ставку. Д-р Кианг изменил свой маршрут, для того чтобы поехать с нами и продолжить беседы о возможных кооперативах, которые он очень понимает.

Затем мы побывали в монастыре — очень хорошее впечатление. Храмы отделаны заново и чисты. Потом послали старому князю Юн-Вангу большую жестянку печенья Сан-Лайт, которое, в бытность его у нас, очень ему понравилось. При этом князь опять спрашивал, когда мы к нему еще соберемся.

На обратном пути — все время под дождем — мы заехали к миссионеру Гонзелло. Он нам передал последнюю почту. По пути домой мы прочли очень значительную телеграмму от Департамента, конечно, изменившую наши старые планы на поездку в ставку князя. За подписью Уоллеса нас просили в кратчайший срок, избрав наиболее безопасное время, перевести экспедицию в Сейуанскую провинцию, избрав для нее безопаснее место. Конечно, мы уже предвосхитили это указание, ибо наша ставка у скалы Тимура и находится в Сейуанской провинции. И мы вполне понимаем, почему из прежней провинции — из Чахара — нужно было передвинуться. По категорическому тексту телеграммы, конечно, мы отменили поездку в ставку князя, которая по географическим картам уже находится под названием Чахара. По существу, она уже не в Чахаре, но на картах это место почему-то тоже сопричислено к Чахару. Значит, если кому-то пожелается признать это Чахаром, то, на основании карт, он может это сделать. Кроме того, в самой ставке князя уже установлена, за последнее время, японская радиостанция. Может быть, наши друзья об этом уже знают. Во всяком случае, по возвращении в наш стан Юрий оседлал коня и поскакал предупредить князя и д-ра Кианга о том, что мы в ставку не поедем. Князь был видимо огорчен, но вы знаете мою лояльность к советам и указаниям, ведь после получения этой телеграммы вновь ехать в Чахар было бы прежде всего неуместно. Из Пекина наши корреспонденты по-прежнему предупреждают о плохом положении вещей, так что все это вполне совпадает. Здесь мы, по крайней мере, имеем тыл на Ордос и Алашань, в случае надобности. Сегодня к вечеру князь и д-р Кианг приезжают к нам для дальнейшего собеседования.

Из телеграммы мы не могли понять, что подразумевается под словом «департамент». Только ли агрикультуры или и государственный. Надеюсь, что мы скоро получим вырезки о недружелюбных газетных телеграммах,

о чем сообщала Франсис [Грант]. Это нам даст возможность и на местах произвести полезное дознание. Во всяком случае, всюду времена серьезные, требующие исключительной бодрости, понимания иерархии и осмотрительности. Наверное, в заграничных газетах поминается многое, чего мы не знаем здесь, и наоборот. Тяньцзиньская газета говорит, что в Англии являлся вопрос, куда тянется Внутренняя Монголия, к Советам или к Японии. Мы не поняли, почему поминается только такая альтернатива. Ведь Монголия, прежде всего, хочет быть таковой и по естественному своему положению имеет все шансы стремиться к такому вполне почтенному желанию. Конечно, очень трудно верить газетам. Мы сами так часто убеждались в абсолютной неверности газетных сообщений. Если это было в нашем частном случае, то насколько больше оно возможно в широких общественных вопросах.

12 июля. Вчера, уже поздно вечером, приехал князь Деван с тремя молодыми секретарями. Один из них говорил немного по-английски, а другой, тоже немного, по-русски. Была интересная беседа. Князь еще раз приглашал ехать на неделю к нему, в его ставку, и мы еще раз объяснили, что это было бы, по причине, указанной из Департамента, для нас неудобным. Расстались на том, чтобы продолжить хорошую беседу по его возвращении...

Теперь вернусь к Канзасу. Представляю себе, что там будет основан или кооперативный банк, или кооперативная корпорация, гарантированная штатом. Но следует, чтобы это учреждение зависело лишь от одного источника. Там может участвовать и учреждение, дающее заем, и корпорация Ур, и другие возможности товарообмена и промышленных предприятий. Соответственно вложенным суммам и товарам, штатом будут даны естественные гарантии, соответствующие в валютном отношении. Ведь Канзас сити строится, а потому каждое строение вызывает и всякие обмены, и строительные потребности, как в машинах, так и в прочих орудиях и материалах. Если бы даже это предприятие началось и не в самых больших размерах, то, во всяком случае, важен факт нового культурного насаждения. В то время когда в мире столько разъединений и разрушения, каждый культурно-созидательный, направленный к преуспению штата шаг должен приветствоваться всеми истинными созидателями и предпринимателями. Вы знаете мои всегдашние настроения при таких построениях. Ведь в них предусматривается как часть финансовая, так и часть культурно-просветительная. Видно, насколько обе эти задачи, прямо в государственном смысле, могут идти рука об руку, под Знаменем Мира. Вспомним, что говорил Уоллес и даже Холл 15 апреля. Именно в этих больших строительных и утверждающих рамках должно возводиться новое достижение. Для сводки Мориса этот весь параграф дневника очень необходим. Конечно, основы гарантий должны быть проверены и заверены. Некоторые уже известные цифры за пять лет существуют, не уменьшаясь. Этим отвечаю на один из вопросов.

Вам будет интересно, что князь Юн-Ванг, глава правительства, в местном монастыре назвал меня Хамбо, что значит настоятель. Таковое название

быстро распространилось среди лам, и вчера наш кукунорец Чамба был очень, видимо, рад сообщить таковые прозвания...

13 июля. Вчера получили почту из Америки... Радуюсь, что задание о Канзасе живет и, конечно, должно закончиться огромною пользою. От Мориса слышали о приезде Луиса [Хорша] и Ояны [Эстер Лихтман] и об успехе их поездки. Милый Морис, я так люблю, когда он в сердечных, любящих выражениях говорит о друзьях и сотрудниках. Конечно, столько лет благотворной работы должны создать в сознании новые широкие, крепкие ступени.

Сегодня пришли наши двое бурят с обмененными конями. Там все ладно.

Ездили мы к развалинам древнего города. Те, кто не представляет себе, в какие осколки и черепки может превращаться целый город, могли бы научиться этому представлению, ходя по буграм, усеянным бесчисленными черепками, обломками и надгробиями. Интересны несторианские гробницы с уйгуро-монгольскими надписями XII, а может быть и XI века.

Рад, что папка дошла в целости и понравилась Галахаду. Именно Колесо жизни надо понимать со всеми удачами и опасностями, со всеми оборотами и восхождениями. Какой замечательный символ Колесо жизни.

14 июля. Завтра нам придется ехать в шестом часу утра в монастырь. Там годовой цам, и в шесть часов начнется так называемое круговращение Майдари. Послезавтра опять придется посетить танцы, раз Юн-Ванг пригласил.

Каждое утро ходят тучи. Ночью накрапывал дождик. Травы — сырые. Конечно, конец июля — обычное дождевое время, служащее обновлению растительности в августе.

В Канзасе, мне представляется, что комбинация участвующих гораздо лучше, нежели одно, а тем более банковское учреждение. Конечно, я был бы более спокоен, если бы уже что-то сложилось, но будем надеяться, что промедление хотя бы в серьезном принципиальном интересе не причинило вреда. Кроме того, мы не можем отсюда знать, что у вас отмечается в газетном мире. Например, относительно здешних мест. В газетах оно называется «Бойлинг пот»*, но на месте никакого особого варения и кипения не видим. Франсис [Грант] думает, что в деле Лат[тимора], может быть, сыграла зависть; вероятнее всего, что кроме зависти, которая странна в совершенно незнакомом человеке, имело значение и какое-то воздействие. Во всяком случае, нужно продолжать розыски, ибо не найдутся ли опять «обезьянки». Ко всему этому, как мы, так и вы уже привыкли, и даже в маленькой мелочной лавочке существует своего рода зависть и всякие неизбежные трения. Всегда будем помнить, как много пользы приносит это круговращение. Хорошо, что Галахад именно, по-видимому, понимает это круговращение сил.

22 июля. Вернувшись вчера из поездки, мы нашли в стане два автомобиля шведа Содербома [72], немцев из Гуйхуачена, которые привезли нам

---

* boiling pot — кипящий котел (англ.)

долгожданного профессора-ботаника Кенга [73]. Вы можете себе представить, как мы были рады такому подкреплению нашей экспедиции. Ведь он известный профессор ботаники, член Китайской Академии наук — образование получил в Америке. Знает Мерела и Хичкока [74] — первое впечатление очень благоприятное. Сегодня с утра он уже ходил в первую местную экскурсию и сейчас с Юрием разбирает и знакомится с уже собранным гербарием. Ехавший с ним второй ботаник Юнг [73] по болезни горла задержался в Гуйхуачене, откуда, по выздоровлении, ему нетрудно будет доехать к нам.

Итак, за эти дни мы имели несколько очень хороших местных знаков. Профессор Тянг хочет кооперировать и заинтересован нашими школьниками. Затем вчера, куда мы ездили, было продолжение очень душевных разговоров, а теперь еще и пришло подкрепление в лице такого бесспорно известного китайского ученого ботаника. Дай Бог, чтобы на всех остальных фронтах было бы такое же стечение добрых знаков. Всячески нужно призывать к себе все добрые силы, чтобы с их помощью продвигаться победоносно. Между прочим, наш знакомый по Америке д-р Веллингтон-Ху едет китайским послом в Париж. Не забудем, что у нашего итальянца был друг в Лиге Наций, а голландский посланник Хубрехт сейчас находится в Будапеште. Такие почерпнутые из прошлого встречи всегда при случае могут пригодиться. Итак, напряжем все силы во благо.

23 июля. Продолжается странная погода — по утрам ясно, а после обеда тучи дождливые. Утром профессор Кенг с Шурой Моисеевым уже собирает, а после обеда с Юрием разбирается уже собранный гербарий. Вероятно, окажется около 350 номеров. Сегодня подошли уже первые сезонные семена.

Ожидали сегодня почту, но посланный за нею до пяти часов не вернулся, а между тем, чувствуется, что почта будет значительная.

24 июля. Конечно, каждое 24-е число приносит что-то особенное. Сегодня мы получили из Харбина фашистскую газету «Наш путь», из которой узнали, что моя статья «Лучшее будущее» не что иное как безбожная философия. Так и написано крупным шрифтом. Посылаю один полученный экземпляр в Индию. Если нужно — можно его переписать в Наггаре. В результате этого нелепого злопыхательства получается какая-то чудовищная реклама. Очевидно, какие-то темные шайки опасаются, что мои статьи для многих являются гашишем — так они выражаются. Конечно, каждый мало-мальски мыслящий человек понимает всю нелепицу и невежество этой харбинской газеты. Если же найдутся настолько темно-нечеловекообразные существности, которые согласятся с этим писакой, то будет очень поучительно узнать и таких двуногих...

Итак, даже о лучшем будущем мыслить нельзя, а мы все-таки будем мыслить не только о будущем, но и посылно строить его во всей бодрости неотложности.

По-видимому, где-то недалеко были большие ливни, ибо вода в реке необычайно прибыла.

Думайте всеми силами о лучших построениях и преборите все темные преграды.

29 июля. День прошел под знаком застрявшего в песках автомобиля. Ботаник выехал на экскурсию, но в нескольких милях машина села в песок и в конце концов освободилась посредством другой посланной машины к 10-му часу вечера. Всякая машина хороша, куда она действует.

30 июля. В Записных листах была статья, кончавшаяся изречениями Муссолини. Она была уместна до известных событий. Теперь же не печатайте ее и даже пока отложите для книги. Конечно, можно бы сделать к ней оговорку, что каждый, изрекший мысли о культуре, должен полностью, в полной терпимости и вместимости и доказать их в деле. Но, пожалуй, проще отложить. Ведь нужно считаться с очень узкими пониманиями, для которых всякая ирония была бы непонятой.

Из Харбина пишут, что в Бариме строится церковь во Имя Святого Сергия. Осталось недосказанным, строится ли она по моему проекту, как было еще прошлой осенью условлено, или же и в данном случае поступлено по примеру «Дома Милосердия» в Харбине. Запрошу более подробные описания. В том же письме сообщается, что на экзаменах в Христианском Союзе архиепископ Мелетий выразил свое восхищение по поводу отличных знаний Закона Божия, чего он не встречал в других учебных заведениях. Тем не менее, добавляют в письме, Христианскому Союзу угрожают закрытием как «масонскому учреждению». Конечно, здесь дело не в масонстве, а в том, что это учреждение американское. Совершенно непонятна такая ненависть ко всему американскому. Во всяком случае, и такое знание необходимо. Не будем удивляться всему происходящему, ибо в сегодняшней газете заявление Муссолини о том, может ли Лига Наций стать трибуналом для негров, дикарей и прочих отсталых народностей. После такого заявления остается лишь развести руками. Неужели Муссолини не слышал о большой духовности Абиссинии, о негритянских духовных песнях, о прекрасных чертах американских индейцев и о народностях Азии. Таким своим заявлением он сразу вычеркнул свои рассказы о культуре. Вероятно, так же как и некоторые другие, вместо культуры он подразумевал просто цивилизацию. Помним, что о нем давно было сказано. Также поражает газетное сведение о происходящем в Германии. Как бы стерилизующие не стерилизовали самих себя. Такова злоба мира сего. Если на песке нельзя строить дома, то и человеконенавистничество не доведет до добра.

1 августа. Вчерашний день был содержательным не только потому, что гербарий увеличился несколькими хорошими видами, но также и по находке нигде ранее не указанных мраморных больших изображений — черепахи, двух львов и двух сломанных и обезглавленных человеческих изображений. Всё это, видимо, из Минской династии. Спрашивается, кто мог растащить эти

изображения по полю на таком далеком расстоянии от старинного города. В самом старинном городе была перевернута мраморная стелла на другую сторону, причем обнаружилась хорошо сохранившаяся китайская надпись. Д-р Кенг с Юрием ее списали. Она говорит о какой-то родословной, с упоминанием многих как китайских, так и монгольских имен. Заметив вдалеке интересные своими очертаниями скалы, мы проехали туда и к нашему изумлению оказались около развалин старинного горного монастыря, очень живописного. Говорят, что эти разрушения, так же как и уничтожение мраморных статуй, произведены мусульманами-дунганами лет шестьдесят тому назад. По характеру развалин и трещин на фигурах думается, что они были разрушены гораздо ранее, но весьма вероятно одно из очередных мусульманских восстаний.

К вечеру на маленьком «форде» Содербоба подъехал и второй китайский ботаник Янг (он был болен в Гуйхуачене). Таким образом в настоящее время оба китайских специалиста на работе.

Чем больше мы думаем о присланных газетных вырезках, тем яснее чувствуется работа Старого дома.

8 августа. Не успели мы запечатать письма, как миссионер Гонзелло прислал нам свежую вырезку из «Нордс Чайна Стар», с корреспонденцией из Пекина от 17 июля. Длинная статья в три столбца, наполненная тою же клеветою, но заново склеенною. Такое активное продолжение кампании показывает, что действительно необходимы какие-то противодействия. Последняя часть статьи приводит опровержение М. Лихтмана, бывшее в американских газетах. К сожалению, взята именно та версия, в которой даны неверные сведения о французских паспортах. Между прочим, вся часть статьи о французских паспортах почему-то крупным шрифтом. Опять широко оповещается, со слов американских властей, что они были чрезвычайно встревожены нами. Затем, как бы в опровержение слов М. Лихтмана, говорится, что, по консульским дознаниям, посылка семян через Тяньцзинь не производилось. Затем опять подчеркивается о казаках атамана Семенова [75]. Затем говорится, что, по враждебности местного князя Девана, мы должны были переехать в другое место. Затем рассказывается о том, как военные чины не хотели дать нам ружья и сделали это лишь по особому требованию из Вашингтона. Затем говорится, что американские официальные лица, чрезвычайно встревоженные, запросили Вашингтон о дальнейшем. Главным образом подчеркнуты 3 пункта. Первый — чрезвычайная встревоженность американских властей, второе — казачья гвардия атамана Семенова, третье — враждебность князя Девана, заставившая нас переменить стоянку экспедиции. Затем высказывается изумление, что почему-то экспедиция была первоначально замолчена прессой, из чего выводят о каких-то особенных поручениях и задачах. Сожалею, что не можем приложить всю вырезку этой тяньцзиньской газеты, ибо должны иметь в руках материал. Если получим номера газеты, то дошлем.

Еще раз становится очевидным, что в сведениях слишком часто упоминаются американские официальные лица, военные власти, консульские служа-

щие. «Семеновские казаки» слишком напоминают упоминание казаков в пресловутой переписке двух ботаников. Кстати, в этой статье выходит, что ботаники вовсе не были отозваны Департаментом, но отказались следовать с экспедицией. Так же возмутительна ложь о том, что по требованию Квантунской армии мы должны были покинуть Маньчжоу-Го. Вы уже несколько раз от меня слышали, что мы не только не ускорили свой отъезд, но наоборот, дела экспедиции задержали нас на целый месяц дольше, нежели предполагалось. Остается ясным одно, что кампания существует и продолжается, и потому настоятельным образом требуются какие-то деятельные и справедливые меры...

9 августа. Каждый день отправляются в ботанические экскурсии. Уже теперь не менее пятидесяти пакетов семян. Во время сбора трав к нам подъехал верховой от местного князя Сулахчи Бейсе и просил от имени князя навестить его, если мы те самые, которые живут у Наран Обо. Мы, конечно, заехали. Князь принял нас в прекрасно обставленной юрте. Такую обширную обставленную юрту редко приходится видеть. Князь был чрезвычайно любезен. Подарил свой портрет, который надеемся потом воспроизвести в какой-нибудь фотогравюре. Интересно, что когда наши посещали развалины монастыря, в двух пещерах, как бы из глубины, слышался ритмичный звук барабана. Князь снова говорил о местном камне, который, по его словам, показывался в одной из падей около Тимур Хады — места нашей стоянки.

Вдали грозовые тучи. Днем очень жаркое солнце.

11 августа. Вчера во время нашей вечерней ботанической прогулки за семенами к нам прибежал один из бурят с сообщением, что князь Дэ и Оч[иров] приехали. Мы их встретили уже на некотором расстоянии от лагеря и присели с ними побеседовать. Первый вопрос, поставленный мною, был о том, не проявил ли князь где-либо какой-то враждебности к нам, о чем так ясно сообщила американская газета в Тяньцзине «Нордс Чайна Стар» (enmity* — так было сказано.) Князь самым определенным образом подчеркнул, что не только не было никакой враждебности со стороны автономного правительства Внутренней Монголии, но наоборот, было и дружелюбие, и желание содействий. При этом князь выразил готовность подтвердить это газетно. В прилагаемых выражениях представитель князя пошлет в «Нордс Чайна Стар» и в «Нашу Зарю» в Тяньцзине. Та же формула может быть передана нашему Другу и использована в печати, как американской, так и русской. Таким образом темные силы опять получают ими заслуженное. Если же вы уже прибавили кое-где соответственные места из японского письма, то клеветнические статьи будут разбиты в своих главных пунктах. О семеновских же казаках можно утверждать в самых определенных выражениях, ибо действительно ни одного не имеется. Конечно, если посмотрите в глубину этой клеветы, то опять же увидите конечную ее пользу. Ведь без нее ни

---

* неприязнь, вражда (англ.)

министерство иностранных дел Японии, ни — теперь монгольское не имели бы повода высказаться. Так оно на свете и бывает, и Свет всегда побеждает тьму.

Получили мы сообщение Департамента — как бы возражение на клеветнические статьи. Неясно одно, где именно было напечатано это сообщение и широко ли разошлись противодействующие правильные вести. Не могу не вспомнить из прошлого, как клевета печаталась на первой странице, а затем правда — на 35-й мелким шрифтом.

Семена усиленно собираются. Конечно, здесь не может быть такого численного разнообразия растительности, но зато она действительно засухоустойчива, а скот, питаемый ею, находится в хорошем состоянии. Во всяком случае, что можно собрать — будет собрано. В Туркестане и Турции другою частью экспедиции Департамента были собираемы даже и посевные семена. При этом, как видно из сообщений Департамента, им были доставляемы и семена местными властями. Конечно, этого мы совершенно лишены, как в прошлом, так и в этом году. Тем не менее, сборы идут удачно.

Надеюсь, что декларация монгольских властей с полным удовольствием прочитается и усвоится в Департаменте. Также, в Батухалке печатается моя краткая биография по-монгольски, в которую вошли некоторые отзывы. Любопытно будет посмотреть, в каком виде по-монгольски такие брошюры издаются. Еще вчера секретарь Ванга сообщил мне о таком печатании. Сегодня едем с ответным визитом. Опять побеседуем. Наши китайские ботаники на грузовике с утра выехали для сбора семян. Словом, всё — в движении.

13 августа. Вчера как раз над нашим лагерем довольно низко пролетел небывалый для этой местности гость — японский аэроплан. Потом мы узнали, что он спускался в Батухалке, а затем последовал к старому князю.

Продолжаем собирать семена. Прочтете об этом в Записном листе «Добро», который следует перевести, дать Галахаду и вообще использовать...

21 августа. Каждый день собираются семена. В Батухалке усилили караулы на юг и юго-запад, опять появились разбойники, так обычные для южной стороны. Д-р Кенг дал свое заключение о здешних засухоустойчивых травах. Оба китайских ботаника оказались очень приятными для кооперации. Невольно думалось, если бы Макмиллан был им подобен, — насколько многое было бы проще. В Батухалке печатается краткая биография, которую со временем вышлют. Итак, работа идет.

23 августа. Вчера мы были посещены итальянским морским офицером из итальянской контрразведки. В сопровождении одного русского он совершенно неожиданно спустился с соседней горы. Оба были в настолько неожиданных одеяниях, что вначале, издавек, их легко можно было принять за бандитов. Обедали с нами. Затем итальянец купил нашу юрту, которая поедет в Италию. Вот как неожиданно бывает на свете. Если бы три часа перед этим кто-нибудь нам бы сказал, что наша юрта поедет в Италию, то, конечно, мы сочли бы это за шутку плохого разбора. А в жизни и такие неожиданности

происходят. Такие факты всегда еще раз напомнят, насколько люди должны быть готовы ко всевозможным неожиданностям. Эти неожиданности добрым мышлением претворятся и в полезное.

Повсюду разговоры о каких-то бандитах. Некоторые считают их совсем близко. Чуть ли не по дороге в Гуйхуачен, но другие дают им более отдаленные расстояния. Итальянец привез сведение о том, что захваченный разбойниками Гаррет Джонс — убит. Все-таки он был не только корреспондент большой газеты «Манчестер Гардиан», но и секретарем Ллойд Джоржа. Не так-то просто это убийство. Итальянец сомневался в том, чтобы война с Абиссинией состоялась.

Вчера опять мы собрали целый ряд пакетов семян. Лишь бы только пролетающие ливни и холодная сильная роса по утрам не вредили. Но уже и теперь имеется хорошее собрание семян. Опять-таки радуемся кооперативности китайских сотрудников. Если бы такая же доброжелательная кооперативность обнаруживалась бы и в разных других местах. Сейчас поспела дикая красная смородина, барбарис, дикий абрикос — всякие такие кусты, заполняющие овраги.

24 августа. Дни, полные неожиданностей. Телеграмма из Департамента, переданная послом Джонсоном. Предложение передвинуть немедленно экспедицию в Сининг-Кукунор. По этому поводу сегодня посылаем дополнительный запрос — Юрий [Рерих] сам везет его в Батухалку, чтобы проверить, действительно ли наши радио идут. Есть сомнение, что предыдущее радио наше как бы не получено в Вашингтоне. Относительно немедленного передвижения экспедиции в Сининг. Дело в том, что таким порядком мы потеряем весь конец семенного сезона здесь, а туда могли бы доехать лишь к концу сентября, иначе говоря, — уже после семенного сезона. Значит, мы потеряли бы удачно идущие сборы здесь, а после дорогостоящего пути доехали бы до мест уже по закрытии семенного сезона. Ведь в тех местах мы как раз были бы в конце сентября и начале октября, когда вся растительность пожелтела, высыпалась и замерла от ночных морозов.

Кроме того, прежде чем ехать, нужно бы сдать в Пекине все здесь собранные коллекции, на что потребуется несколько дней. Ведь до Пекина отсюда два дня по моторной дороге и сутки поездом. А теперь, ввиду плохих размытых путей, машина губернатора Гуйхуачена была в пути целых три дня. Кроме того, потребовалось бы приобрести еще грузовик для газаolina, ибо после Баотоу, через Нинся, да и потом никакого газаolina достать нельзя. Мы знаем, насколько заблаговременно Свен Гедин рассылал партии газаolina по пути следования. Кроме того, на Сининг-Кукунор требуется новое особое разрешение. Не забудем, что в Сининге сидит генерал Ма, мусульманский дунганин, один из всемогущих династий многочисленных мусульманских генералов. Конечно, с пустыми руками к нему тоже не приедешь.

Кроме того, если рассуждать с точки зрения безопасности, то тамошний район гораздо более угрожаем со стороны многочисленных банд. Там и китайские красные, отступающие от генерала Чан Кай Ши, там же еще

недавно был разграблен, по-видимому дунганами, караван самого Таши-ламы. А ведь его караван был весьма многочисленный и в сопровождении многих вооруженных людей. Таким образом, и со стороны безопасности здешние места, по крайней мере до сих пор, были несравненно более покойны.

В научном отношении, как справедливо усматривает и член Китайской Академии наук д-р Кенг, здешние места более значительны в отношении засухостойкости, ибо все, приближающееся к Цайдаму, будет носить уже более болотистый характер. Все мы помним Цайдамские болотистые озера. Еще тогда мы удивлялись, что на высотах возможны такие обширные болотистые местности. Помним огромные кочки, между которыми иногда погружались лошади в мокрый грунт.

В сегодняшней радиограмме предлагаем департаменту закончить сбор семян здесь и продолжить работу согласно их письму от 9-го июля. Кроме того, не забудем, что всеильный и всегда стремящийся к самостоятельности генерал Ма, по примеру своего хатангского родственника, может не удовлетвориться бумагой от Нанкина, а потребует предъявления его согласия, для чего потребовалось бы значительное время. Такую поездку нужно бы подготовить, начиная с июля, ибо, как и д-р Кенг утверждает, семенной сезон там начинается уже с середины августа и протекает очень быстро, заканчиваясь во второй половине сентября, иначе говоря, ко времени самого скорого нашего приезда. Не забудем также и необыкновенные наводнения в Китае, которые, по словам газет, превышают все бывшие за многие года. Было бы печально произвести многие затраты, для того чтобы приехать на место уже по миновании смысла приезда.

Итак, по совещании с д-ром Кенгом, мы отправили сегодня обстоятельную телеграмму в Вашингтон, через посредство посольства в Пекине. Если же, по каким-либо неизвестным отсюда соображениям, требуется ускорение работ здесь, то мы могли бы произвести их спешно к половине сентября. Увидим из ответа на нашу телеграмму, что делать дальше...

25 августа. Вчера получили последние газеты. Читали, что Таши-лама должен отложить свой отъезд через Сининг-Тибет по причине чрезвычайных ливней, размывших пути. Удивительно, насколько в этом году Китай пострадал от наводнений, в самых различных частях. Обычно были наводнения Хуанхэ и Янцзы, но в этом году и многие другие районы оказались захваченными этим бедствием.

Замечательно читать газеты о том, какое уничтожающее бедствие грозило всей планете 26 мая при стремительном приближении метеора. Ведь не только Америка могла быть уничтожена, но почти и вся планета. Вот такие катаклизмы ежечасно висят над планетой, а люди по-прежнему не отдают себе в этом отчета.

Каждый день собираются семена. В Батухалке все время какие-то иностранные приезжие гости. Получены №№ 64 и 65, а также статья о Святом Сергии и, в отдельном пакете, журналы и оттиски статей. Вчера мы

слышали, что в Батухалке печатают и уже заканчивают биографию по-монгольски, переведенную и составленную большим знатоком дела. Когда получим — вышлем экземпляр для библиотеки. Очень трогательно получить индусский журнал со статьею о Св. Сергии. Поистине, великое имя растет всемирно. Вообще, наряду с кажущимися трудностями вырастают новые замечательные обстоятельства.

26 августа. Опять дождь, необычный по здешним местам в конце августа. Уже летят журавли, что показывает раннюю осень.

Наши ботаники собрались в путь. Очень приятно было видеть, что у них остается большое дружелюбие и действительное благорасположение, с надеждою опять встретиться. Если бы сотрудничество всегда кончалось такими же добрыми знаками. За несколько дней ботаники соорудили на месте лагеря обо, которое и мы все совместно закончили. Трогательно было видеть, что при сооружении обо китайцы о чем-то молились, как-то церемониально кланялись. Ценно, когда и член ученой академии все же сохраняет какие-то высшие устремления. Ведь и Чан Кай Ши приводит слова из Конфуция и тем объединяет новшество с седою мудростью. Конечно, для кого-то незнающего Конфуций мог бы показаться отвлеченным, а может быть, и непрактичным философом. Но целые века показали, насколько его философия была жизненна и практична. И сейчас, когда генерал-фельдмаршал Чан Кай Ши воздвигает свое «Движение Новой Жизни», то его ссылки на древние изречения нисколько не противоречат современным заданиям для преуспевания страны. Правда всегда та же. В правде мы храним залог будущего. Велики и действительны Указания.

28 августа. Ко вчерашним сведениям о мобилизации в Сининге прибавилось еще одно местное сведение. Князь Д[еван] отправляет несколько сот солдат на юго-запад. Так что эти южные районы оказываются куда менее обеспеченными, нежели здешнее место.

Прибавляются семена. Думается, что агропирум, который почему-то любит соседство ирисов и подчас растет на совершенно песчаных и каменистых местах, может быть одним из самых полезнейших злаков. К тому же он чрезвычайно любим скотом и, видимо, дает хорошее питание. Замечательно видеть, насколько местные табуны сейчас находятся в прекрасном теле, а ведь они питаются одними травами и никто их зерном никогда не кормит. Кусты низкорослой крушины и крепкий чий тоже хороши для почвы. Мы заметили, что скот с удовольствием поедает полынь...

31 августа. Интересные обстоятельства происходят. Всюду все это меняется, как морские волны. Только что можно было думать, что харбинский фашистский орган почему-то враждебен, а сейчас мы получаем из Харбина полуфашистский журнал «Луч Азии», в котором в двух номерах идет статья нашего друга Хара Девана «Священная Шамбала», всецело основанная на моем «Сердце Азии», со всеми ссылками и упоминаниями. Редакция

журнала делает выноску — примечание об особом интересе этой статьи. Поистине, выходит — врагов и друзей не считай. Таким образом, вполне своеобразно содержание второй части «Сердца Азии» обнародывается через орган, который мы имели основание считать враждебным. Чтобы подчеркнуть свою к нам дружбу, сейчас в Батухалке печатается монгольская брошюра, как бы «трибьют* Востока». Таким образом злоумышленники, старавшиеся клеветать о каких-то враждебностях, как всегда и бывает, в конце концов сядут в лужу. Нужно сказать, что все происходит очень замечательно, а главное, даже там, где предполагалась враждебность (как например, с «Лучом Азии»), вместо того в двух номерах (июнь-июль) получается длинейшая, многозначительная статья. Таким образом наши парижские группы оказали и на далеких пространствах свое доброе влияние.

Сегодня к нам приезжает местный хутухта. Вообще здесь все закончится в самых лучших тонах. Количество мешков семян произвело на Содербому сильное впечатление. Он обещал тоже разузнать о мистическом Джоне Пауелле [76]. Во вчерашней газете упоминался какой-то Джон Пауелл в Шанхае, против которого японцы начинали какое-то преследование за статьи. Не есть ли это тот же самый клеветнический писатель, который пытался повредить нашей экспедиции. Конечно, никакой разумный человек здесь не придавал серьезного значения инсинуациям явным.

Во вчерашних газетах появилось еще одно сообщение о мобилизации, происходящей по границам Шаньси, по Желтой реке — как раз в тех местностях, где пришлось бы нам ехать в Сининг. Судя по газетам, красные китайские войска стремятся с юга в этом направлении. Конечно, сейчас, когда август кончается, кроме всего прочего, даже по времени поездки была бы невозможной.

1 сентября. Уже первое сентября, а мы все еще не имеем радиограммы от Департамента. Предполагаем всякие случайности, которыми телеграмма могла быть задержана. Во-первых, могло случиться, что здешняя радиостанция почему-то не приняла этой радиограммы. Может быть, радиографист просто отсутствовал или что-нибудь другое, совершенно обиходное, помешало. Так как в наших двух радиограммах от 19 и 21 [августа] мы спрашивали адвайс (совет), то, конечно, ответ, наверное, был, но почему-то до нас до сих пор не дошел. Отправляем сегодня радиограмму уже не через легацию, а прямо Брессману, в которой еще раз извещаем о том, что уже невозможно бы было попасть в Сининг — семенной сезон уже был бы упущен, а кроме того, согласно газетам, в Сининге, в Шаньси, в Нинся и Ганьсу происходит мобилизация для отражения китайских красных. Значит, прежде всего нужны и местные специальные разрешения на проезд, которые потребовали бы длительного времени...

Вчера приезжал местный хутухта, а затем еще два члена автономного правительства. Попили чай, дружески побеседовали. Собеседования постоян-

---

* tribute — дань, подношение (англ.)

но затрагивают вопрос, какая именно темная сила пыталась клеветать и сеять недоверие. Впрочем, как всегда бывает, каждая клевета лишь ярче зажигает дружбу.

Жаль, что местные реки и болота набухли от дождей и потому почти каждая машина где-то заседает. Удивительны эти повсеместные в этом году наводнения в Китае...

2 сентября. Газета принесла новые сведения уже не только о мобилизации, но о битве, происходящей в Сининге. Видимо, красные китайские войска прорываются в довольно больших партиях, по две-три тысячи. Не идут ли они в Синкианг (Синьцзян). Кроме того, газеты принесли сведения, что лопнули какие-то дамбы в притоках Желтой реки и уже между Гуйхуаченом и Баотоу пути затоплены. Будем надеяться, что это наводнение не продвинется дальше Гуйхуачена. Для нас это очень существенно, ибо этот путь сейчас единственный на Пекин. Через Чахар ездить вообще не советуют. Во всяком случае, можно лишь благодарить судьбу за то, что мы вовремя узнали, насколько сейчас невозможно было бы ехать в Сининг. Впрочем, Жорж Содербом даже и без газет предупреждал нас о невозможности сейчас этой поездки.

Из посольства получено письмо о передаче двух известных нам телеграмм из Вашингтона. К сожалению, в этом письме не упоминается, получены и переданы ли наши ответные телеграммы. Сегодня идет еще наша телеграмма через Содербома Брессману с вопросом, дошли ли две наши радиogramмы. Ведь от 20 августа до 2 сентября для обмена радиogramмами срок достаточный. Опасаемся, все ли дошло благополучно.

3 сентября. Каждый день какое-либо сведение все о тех же неблагоприятных по направлению к Синингскому району. Уже из четырех номеров последних газет сделаны вырезки для отправки в департамент. Вот уже 3 сентября, а мы еще не имеем ответа на нашу радиogramму, которая пошла отсюда 21-го. Если почему-либо радиogramма не была отправлена (квитанцию нам в Батухалке не выдали), то, во всяком случае, теперь мог бы быть уже ответ и на повторение этой телеграммы в письме, которое тогда же было послано на имя посла Джонсона.

Странно, что в самых различных местностях происходят затопления. По-видимому, большинство из них происходит от необычных ливней, хотя и быстро добегающих, но зато оставляющих за собою целые моря. Во всяком случае, уже собрано до 250 мешков семян, из них некоторые очень полновесны. Так как при этом же идут и образцы почв, которые могут помочь первому посеву, то во всяком случае результаты могут быть хороши.

Сейчас миссионер Гонзелло привез радиogramму из Пекина. Передано указание департамента немедленно двинуться отсюда в Пекин, а оттуда прямым пароходом в Индию, для продолжения экспедиции там. Конечно, мы сейчас же ответили радиogramмой о том, что примем сообщения к немедленному исполнению. Будем всячески спешить с укладкой. Главное же, нужно достать грузовик до Гуйхуачена. Юрий сейчас поехал в Батухалку с этой

миссией. Также является вопрос, как в наискорейший срок ликвидировать наш легковой додж, лошадей и две палатки. Думается, что самое практичное будет — передать эти вещи представителю Форда в Гуйхуачене Ж. Содербому. Он постоянно устраивает всевозможные экспедиции и потому легче других найдет применение и сбыт по лучшим ценам. Если же продать их во что бы то ни стало немедленно, то, как всегда бывает, цены могут оказаться ничтожными. Остается вопрос, с каким американским пароходом нам выехать из Шанхая. 24 сентября идет «Президент Монро», а 8 октября — «Ван Бирон». К сожалению, оба парохода идут с заходом в Манилу. Потому до Бомбея выходит 22 дня пути, вместо 12 дней итальянского парохода. Посоветуемся об этом в Пекине в посольстве. Хотелось бы сделать все как лучше.

Архив Музея Н. Рериха, Нью-Йорк.
Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хорват Дмитрий Леонидович (1858-1937), генерал, председатель Восточного отдела Российского общевойскового союза на Дальнем Востоке (Пекин). Занимался землеустройством в Маньчжурии, управляющий Китайско-Восточной железной дорогой. Камила Альбертовна (1878-1963), племянница русского художника Бенуа, дочь акварелиста Альберта Николаевича Бенуа, тоже художница-акварелистка.

2. Черепнин Николай Николаевич (1873-1945), русский композитор и дирижер, муж Марии Альбертовны (1876-1958), старшей сестры Камиллы Альбертовны Бенуа-Хорват. Автор балета «Павильон Армиды». В 1909-14 гг. дирижировал балетными и оперными спектаклями «Русских сезонов» в Париже. С 1921 года жил во Франции.

3. В 20-х числах ноября 1934 года ряд русскоязычных газет на Дальнем Востоке, существовавших на японские концессии, — «Харбинское Время», «Возрождение Азии», «Наш Путь» и др. — выступили с нападками на Н.К. Рериха и обвинили его в планах создания «масонского государства» на территории Сибири.

4. Вонсяцкий Анастасий Андреевич (1898-1970), участник Белого движения, руководитель Всероссийской фашистской организации в Америке и редактор журнала «Фашист» (Путнам, Коннектикут). В апреле 1934 года в Токио вел переговоры с К.В. Родзаевским о создании объединенной фашистской партии.

5. Краснов Петр Николаевич (1869-1947), генерал-лейтенант, один из главных организаторов Белого движения в Гражданскую войну. В 1918-ом атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией. В 1919 эмигрировал в Германию. Автор большого числа исторических и приключенческих повестей.

6. Дитерихс Михаил Константинович (1874-1937), один из организаторов Белого движения в Гражданскую войну, генерал-лейтенант (1919), ближайший сподвижник А.В. Колчака. Глава Временного Приамурского правительства (1922) на Дальнем Востоке.

7. Колосова Марианна Ивановна, харбинская поэтесса, автор ряда поэтических сборников: «Армия песен» (1928), «Господи, спаси Россию» (1932) и др. Жена А. Покровского, лидера Союза национальных синдикатов — организации профашистского толка на Дальнем Востоке.

8. Н.К. Рерих имеет в виду прикомандированных к его экспедиции двух ботаников, сотрудников Департамента земледелия и сельского хозяйства США доктора Макмиллана (H.G. MacMillan) и м-ра Стивенса (J.L. Stevens), которые в результате конфликта с ним летом 1934 года были отозваны Департаментом обратно в Америку по указанию Г.Э. Уоллеса.

9. Тактика адверза (от лат. *adversus* — противоположный, противостоящий) применяется как метод использования неблагоприятных факторов для получения благоприятных результатов. См.: *Tactica adversa* // Рерих Н. Нерушимое. 1936. Рига; переизд.: Николай Рерих. Листы дневника. Т. 1. М., 1995, 1999.

10. Рерих Владимир Константинович (1880-1951), брат Н.К. Рериха. Участник Белого движения, сражался в армиях генерала Дутова и барона Унгерна. После Гражданской войны оказался в эмиграции в Харбине. Возглавлял Земельный отдел КВЖД (1922), а затем — сельскохозяйственный кооператив «Алатырь» (1934), созданный под покровительством Н.К. Рериха. Секретарь Русского общественного комитета Пакта Рериха в Харбине.

11. Хорш Луис (род. ок. 1889), американский бизнесмен, президент Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. В 1920-30-е годы финансировал Рериховские учреждения в США и других странах.

12. Рерих Святослав Николаевич (1904-1993), художник, общественный и культурный деятель; младший сын Н.К. Рериха. Речь идет о воспроизведении написанного им портрета Н.К. Рериха в одежде тибетского ламы с ларцом в руках, который на страницах журнала «*Rosicrucians Digest*» издатели оформили масоно-розенкрейцерской символикой, что вызвало нападки на Рериха в дальневосточной прессе.

13. Уоллес Генри Эгард (1888-1965), в дневнике Н.К. Рериха — Друг, Галахад. В 1933-40 гг. министр сельского хозяйства США, приверженец политики Ф. Рузвельта; в 1941-45 гг. вице-президент Соединенных Штатов. В 30-е годы продвигал идею Пакта и Знамени Мира в правительстве и осуществлял покровительство Маньчжурской экспедиции Н.К. Рериха, которая финансировалась его Департаментом.

14. Рузвельт Франклин Делано (1882-1945), в дневнике Н.К. Рериха — Главный, Глава; 32-й президент США (1933), четыре раза избирался на этот пост. Правительство Рузвельта в 1933 году официально признало СССР и установило дипломатические отношения с Москвой. Состоял в переписке с Е.И. Рерих (1934-36); см.: Митрохин Леонид. Предупреждения, достойные памяти // Мир через Культуру. М., 1990. Сост. Э.Балашов.

15. По-видимому, здесь имеются в виду Китай и Маньчжурия, находившиеся под властью старых императорских династий. В других случаях название «Старый дом» используется как синоним Белого Дома в Вашингтоне.

16. Имеются в виду японцы. Весной 1934 года Н.К. Рерих по пути в Маньчжурию сделал остановку в Японии, а в сентябре из Нью-Йорка прибыли 17 картин художника. Они экспонировались на выставке, которая проходила с 10 января по 28 февраля 1935 года в Музее изящных искусств города Киото.

17. Чертков Георгий Иванович, принадлежал к русской колонии эмигрантов на Дальнем Востоке. Представитель Комитета Пакта и Знамени Мира в Японии.

18. Идея Пакта и Знамени Мира оформилась по приезду Н.К. Рериха в Европу в 1929 г. Возникло движение в защиту культурных ценностей и охранения памятников культуры во время вооруженных конфликтов. В 1931 г. в Брюгге (Бельгия) прошла первая международная конференция Пакта, третья — в 1933 г. в Вашингтоне. Во многих странах были образованы комитеты Пакта Рериха, в том числе в Маньчжурии (1934) — Русский общественный комитет Пакта Рериха в Харбине (председатель Комитета — Л.Н. Гондатти, почетный председатель — архиепископ Нестор).

19. Грант Франсис (1896-1993), журналистка, вице-президент Музея Рериха в Нью-Йорке, директор издательства «*Roerich Museum Press*». Близкий сотрудник Рерихов, организатор движения Пакта и Знамени Мира в Латинской Америке. Осуществляла непосредственную связь с министром Г.Э. Уоллесом.

20. Грамматчиков Василий Николаевич (1865-1938), отец Н.В. Грамматчиковой, участника Маньчжурской экспедиции Н.К. Рериха. После Октябрьской революции проживал в Харбине, работал инженером горных разработок. С 1931-го года из-за тяжелой болезни был прикован к постели. Н.К. Рерих посвятил ему два очерка — «Семидесятилетие» (1935) и «Славный уход» (1938). См.: Николай Рерих. Листы дневника. Т.1. М., 1995; т.3. М., 1996.

21. В 1934 году, во время пребывания в Харбине, Рерих создал проекты двух церквей: храма в честь Сергия Радонежского в Бариме и часовни в память великомучеников российского императора Николая II и короля Александра I (Сербского) при Доме Милосердия.

22. Нестор (Анисимов) (1884-1962), архиепископ Харбинский; с 1920 года в эмиграции в Харбине, где организовал Камчатское подворье, Дом Милосердия и Трудолюбия, сиротские приюты, школу прикладных искусств и ремесел. В 1934-35 гг. — почетный председатель Комитета Пакта и Знамени Мира в Харбине. См.: Нестор (Анисимов). Мои воспоминания. М., 1995.

23. Родзаевский Константин Владимирович (1907-1946), лидер Российской фашистской партии в Харбине (1932), сотрудник Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Главный редактор ежедневной профашистской газеты «Наш Путь» (1933-38).

24. Король Бельгии Альберт I (1875-1934) способствовал проведению первых международных конференций Пакта и Знамени Мира в Брюгге (1931, 1932). После его кончины Бельгийскому комитету Пакта было присвоено имя Альберта I. Рерих посвятил ему очерк «Король Альберт» (Рерих Н. Нерушимое. Рига, 1936);

Александр I Карагеоргиевич (1888-1934), король Югославии. Очерк Н.К. Рериха «Светлой памяти короля Александра» опубликован в его книге «Священный Дозор» (Харбин, 1934);

Платон (Рождественский) (1866-1934), митрополит Северо-Американский и Аляскинский (Алеутский). В 1920-м эмигрировал в Америку; в 30-е годы выступал за автономию Американской православной церкви и независимость ее от Московской патриархии;

Иоанн (Поммер) (1876-1934), архиепископ Рижский и Митавский; погиб от рук дружинников латвийского президента Ульманиса в октябре 1934 г;

Георгий (Спасский) (1877-1934), русский священник, живший в эмиграции в Париже. См.: Издательский комитет по увековечению памяти о. Георгия Спасского. Париж, 1938. 368 с. Н.К. Рерих в 1934 году называл его одним из последних своих духовников;

Лукин Феликс Денисович (1875-1934), врач-гомеопат. Первый председатель Латвийского рериховского общества в Риге. Его памяти посвящен очерк Н.К. Рериха «Доктор Ф.Д. Лукин», см. в книге «Николай Рерих. Листы дневника», т. II, М., 1995;

Бертело Филипп де, Генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции; почетный член Общества им. Рериха.

25. Боргес Гиль (Borges Ghil), генеральный исполнительный директор Пан-Американского Союза; активно участвовал в движении Пакта и Знамени Мира.

26. Лихтман (урожд. Шафран, с 1939 — Фосдик) Зинаида Григорьевна (ок. 1889-1983), директор Института Объединённых Искусств при Музее Н. Рериха в Нью-Йорке и вице-президент Музея. Ближайшая сотрудница Н.К. и Е.И. Рерихов.

27. Рерих Елена Ивановна (урожд. Шапошникова) (1879-1955), жена Н.К. Рериха, писательница; ее имя связано с появлением философского учения Живой Этики, или Агни-йоги. Во время Маньчжурской экспедиции находилась в Наггаре (долина Кулу), в Гималаях.

28. Латтимор Оуэн (1900-1989), американский синолог, исследователь Центральной Азии; в 1920-30-е годы советник Чан Кайши и экономический советник Комиссии по японским репарациям.

29. Рерих Юрий Николаевич (1902-1960), востоковед, старший сын Н.К. Рериха. Принимал участие в Маньчжурской экспедиции в качестве руководителя проекта и осуществлял связь с Департаментом сельского хозяйства США.

30. Грибановский Виктор Иванович, полковник 2-го Сибирского казачьего полка, эмигрировал в Париж (1926) и Харбин (1930); участник Маньчжурской экспедиции Н.К. Рериха (начальник охраны).

31. Гордеев Тарас Петрович (1875-1967), ботаник, почвовед. В экспедиции Н.К. Рериха занимался сбором засухоустойчивых и лекарственных растений и проводил почвенно-флористические исследования.

32. Иванов Всеволод Никанорович (1888-1971), русский, советский писатель. Жил в эмиграции в Китае (1922-1945). Член Русского общественного комитета Пакта Рериха в Харбине. Упоминаемая книга Вс. Иванова «Антоний Римлянин» при жизни автора не была издана; вероятно, Н.К. Рерих читал ее в рукописи. Первая публикация в сборнике: «Вс. Иванов. Из неопубликованного» (Л., 1991).

33. Иванов Василий Федорович, адвокат, автор скандальных книг «От Петра I до наших дней», «Православный мир и масонство» и др. Премьер-министр Временного

Приамурского правительства (1920-21), в 1930-е советник Бюро по делам Росс. эмигрантов. См. очерк «Свет побеждает тьму» в кн.: «Николай Рерих. Листы дневника» (I; М., 1995).

34. Мелетий (Заборовский) (1869-1946), архиепископ (с 1939 — митрополит) Харбинский и Маньчжурский, инициатор создания Богословского факультета Института Св. Владимира в Харбине;

Дмитрий (Вознесенский) (1871-1947), епископ Хайларский, настоятель Свято-Иверской церкви в Харбине, преподавал в Коммерческом училище КВЖД.

35. Н.К. Рерих использует «кодовый» язык: обезьяны — англичане, тигры — Советы, всякие зверюшки — немцы и проч.

36. Гондатти Николай Львович (1860-1946), приамурский генерал-губернатор, начальник земельного отдела КВЖД (до 1925), крупный общественный деятель русской эмиграции в Китае; в 1934-35 гг. председатель учрежденного по его инициативе Русского общественного комитета Пакта Рериха в Харбине. С 1918 г. был дружен с В.К. Рерихом.

37. Иванов Всеволод. Мы. Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин: изд-во «Бамбуковая роща», 1926.

38. Монография Вс. Иванова «Рерих художник мыслитель» в Харбине не была издана. Опубликована впервые в Риге в 1937 г., позже вошла в книгу «Рерих. Статьи Всев. Н. Иванова и Э. Голлербаха» (Рига, 1939; часть 1).

39. Речь идет о Записном листе «Лучшее будущее». См.: Рерих Н. Врата в будущее. Рига, 1936. Переопубл. «Николай Рерих. Листы дневника» (Т. I; М., 1995, 1999).

40. Шклявер Георгий Гаврилович (ум. 1972), юрист, генеральный секретарь Французской Ассоциации друзей Музея Рериха.

41. На 14 апреля 1935 года первоначально было намечено подписание в Вашингтоне документов международной конвенции Пакта Рериха и Знамени Мира.

42. Гедин Свен (1865-1952), шведский ученый, путешественник, исследователь Центральной Азии. Ему посвящен очерк Н.К. Рериха «Вперед!» (Рерих Н. Нерушимое. Париж, 1936). Состоял в краткой переписке с Ю.Н. Рерихом. См.: Андреев А.И. Русские письма из архива Свена Гедина в Стокгольме // Ариаварта. 1997. № 1. С. 61-62.

43. Амо Эйдзи (Амау Ейji), представитель Министерства иностранных дел Японии. Речь идет о письме Э. Амо к Н.К. Рериху от 14 февраля 1935 г.

44. Ростовцев Михаил Иванович (1870-1952), русский историк античности и археолог, после 1917 г. проживал в эмиграции, в Европе и в США; профессор Йельского университета. Во время пребывания в Америке в 1929-30 гг. Н.К. Рерих с сыном Юрием дважды посетили М.И. Ростовцева в Нью-Хейвене, штат Коннектикут.

45. Ларсен Франц Август (1870-1957), швед, посвятивший Монголии более сорока лет своей жизни. Бывший моряк, переменявший множество профессий. В 20-е годы возглавлял в Монголии торговую фирму «Ларсен и К^о». В США вышла его автобиографическая книга «Duke of Mongolia» (Бостон, 1930).

46. Дэмчиг Донров (Дэван), князь Западного сунита Силингольского сейма. 23 апреля 1934 года Дэван объединил монгольских князей, не вошедших под японское покровительство, и добился от Нанкинского правительства права на создание автономного государства во Внутренней Монголии.

47. Чокьи Нима (1883-1937), Шестой Таши-лама, в буддийской иерархии второе лицо после Далай-ламы; традиционно настоятель монастыря Таши-лумпо в Тибете. В 1924 году бежал от преследований Тибетского правительства и поселился в окрестностях Пекина.

48. Речь идет о статье архиепископа Нестора «Дальний Восток и Япония», включенной в предполагавшийся к изданию Музеем Рериха в Нью-Йорке сборник «Сибирь и ее будущее». Издание не состоялось из-за начавшейся в эмигрантской дальневосточной прессе кампании против Н.К. Рериха.

49. Имеется в виду министр Г.Э. Уоллес, который был почетным председателем Постоянного Комитета Пакта Рериха.

50. Речь идет о памятной медали, выпущенной в 1929 году к открытию нового высотного здания Музея Н. Рериха в Нью-Йорке. На лицевой стороне медали барельеф Н.К. Рериха, на оборотной стороне — символическое изображение постройки Музея и надпись: «Музей Рериха. В честь Творца и Строителя. Нью-Йорк. 1929».

51. Никольсон Майкл, сотрудник Рерихов в Монголии; точных сведений о нем нет.
52. 15 апреля в Вашингтоне, в присутствии президента США Ф.Д. Рузвельта представители 21-го государства Северной и Южной Америки подписали Пакт Рериха. От Соединенных Штатов подпись поставил Г.Э. Уоллес.
53. Шибаяев Владимир Анатольевич (1898-1975), секретарь Института Гималайских исследований «Урусвати» в Кулу (Индия), личный секретарь Н.К. Рериха (1928-1939).
54. Очерк «Терпение» опубликован в кн. «Николай Рерих. Листы дневника» (Т. I; М., 1995, 1999).
55. Освящение часовни Преподобного Сергия в здании Музея Рериха в Нью-Йорке, на Риверсайд 310, состоялось 19 апреля 1934 г. по благословению митрополита Платона.
56. Кемпбелл-Стиббе Катрин (1898-1996), одна из ближайших сподвижниц Рерихов в Америке, многие годы главный попечитель и вице-президент Музея Н. Рериха;
- Фричи Гизелла Ингеборг (1899-1996), в 20-е годы секретарь президента Чехословакии Т. Масарика; в 30-е принимала участие в деятельности Музея Н. Рериха в Нью-Йорке;
- Зайдель Элен, ассистент директора Мастер Института при Музее Н. Рериха в Нью-Йорке; в середине 30-х годов занималась организацией выставок картин Н.К. Рериха для продажи;
- Киммель Донн, секретарь нью-йоркского филиала Института Гималайских исследований «Урусвати» при Музее Н. Рериха.
57. Шнарковский Владимир, полковник, участник Белого движения; сотрудничал с Музеем Н. Рериха в Нью-Йорке, учредил при Музее Общество Св. Сергия (1934), основанное на религиозных и национальных началах;
- Москов Евгений Александрович, журналист, автор статей, посвященных Н.К. Рериху; соредатор газеты «Русский Вестник» (Нью-Йорк). Инициатор создания и ректор Русского Института при Музее Н. Рериха в Нью-Йорке, в котором велось преподавание русского языка, литературы и истории для американцев (1934-35).
58. Сибирская группа, объединившая сибиряков, живших в эмиграции в Америке, возникла в рамках Общества друзей Музея Н. Рериха в Нью-Йорке в 1929 г.; ее возглавил писатель Г.Д. Гребенщиков.
59. Завадские Василий Васильевич, композитор, и его жена Мария Алексеевна, пианистка, в эмиграции проживали в США. Нина — сестра М.А. Завадской.
60. Лихтман Эстер, в дневнике Н.К. Рериха также — Ояна, журналистка, близкая сотрудница Рерихов, вице-президент Института Гималайских исследований «Урусвати».
61. Знак Музея (металл, позолота с эмалью) представлял собой символическое изображение двойной ваджры с монограммой в центре из латинских букв «М» и «R»; один из вариантов прочтения монограммы — Roerich Museum, Музей Рериха.
62. Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882-1964), русский сибирский писатель, проживавший в эмиграции во Франции и в Америке; директор издательства «Алатас». В газете «Харбинское Время» 11 мая 1935 г. была опубликована статья Е.В. Романова «Гребенщиков “протестует” против разоблачения Н. Рериха».
63. Гребенщиков Г.Д. Гонец. Письма с Помперара. Чураевка: Алатас, 1928. 187 с.
64. Кулаев И.В., содержатель ломбардов в Харбине, владелец «Гранд Отеля».
65. Холл Корделл (1871-1955), госсекретарь в правительстве США (1933-44), лауреат Нобелевской премии мира (1945).
66. Издательство «Рерих Музеум Пресс» в 1935-36 гг. выпустило ряд книг на русском и английском языках, в том числе книги Н.К. Рериха: «Твердыня пламенная» (Бостон, 1935; на англ. яз.); «Врата в будущее» и «Нерушимое» (Рига, 1936). Предполагалось также издать сборник очерков Рериха «Да процветут пустыни», посвященный Маньчжурской экспедиции, но издание не состоялось; очерки были частично опубликованы в других книгах.
67. Брессман Е.Н., научный советник Департамента земледелия и сельского хозяйства США, куратор Маньчжурской экспедиции Н.К. Рериха.
68. Лихтман Морис Моисеевич (ум. 1948), пианист, директор Института объединенных искусств при Музее Рериха в Нью-Йорке. Автор ряда публикаций об Н.К. Рерихе в американских газетах и журналах. Первый муж Э.Г. Фосдик.

69. Богдо-геген (1870-1924), последний глава ламаистской церкви Монголии, Восьмой Джебцзун Дамба Хутухта.

70. Летом 1935 года президент нью-йоркского Музея Рериха Л. Хорш и вице-президент Института «Урусвати» Э. Лихтман посетили Норвегию и Швецию, где провели переговоры о выдвижении Н.К. Рериха кандидатом на Нобелевскую премию мира.

71. Чан Кайши (1887-1975), глава гоминьдановского правительства Китая (1927-49). После китайской революции бежал на о. Тайвань под покровительство США.

72. Содербом Жорж (ум. ок. 1970), швед, глава Американской миссии методистов; в качестве эксперта принимал участие в Центральноазиатских экспедициях Свена Гедина (1927-35).

73. Кенг и Юнг (Янг), китайские ученые-ботаники, работавшие в экспедиции Н.К. Рериха по найму; сведения о них отсутствуют. В 30-е годы проф. Кенг являлся членом-корреспондентом Института Гималайских исследований «Урусвати».

74. Вероятно, имеются в виду: д-р Е.Д. Меррил, директор Нью-йоркского Ботанического сада, член-корреспондент Института «Урусвати»; Хичкок Альберт Спейр (Hitchcock Albert Spear) (1865-1935, декабрь), ботаник. С 1924 года главный ботаник, ответственный за систематизацию трав в Сельскохозяйственном департаменте США.

75. Семенов Григорий Михайлович (1890-1946), атаман, участник Белого движения на Дальнем Востоке.

76. Пауелл Джон, автор статьи о Маньчжурской экспедиции, опубликованной в газете «Чикаго Трибьюн» (24 июня 1935), в которой он поддержал клеветническую кампанию против Н.К. Рериха, начатую в дальневосточной эмигрантской прессе в ноябре 1934 г.